

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»
(ФГБОУ ВО МГЛУ)

Переводческий факультет
Кафедра переводоведения и практики перевода английского языка
Теория и практика письменного и основы устного перевода

Допустить к защите
Зав. кафедрой
переводоведения и
практики перевода
английского языка
Полубоярова Марина
Владимировна
10 мая 2017 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему

«Влияние временной дистанции на степень архаизации при переводе (на материале англо-русских переводов художественных текстов XIX в.)»

Выполнил:
студент группы 1-4-41
Рыкунова Анастасия Николаевна

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доц. кафедры
переводоведения и практики перевода английского языка
О.Н. Исаева

Рецензент:
кандидат филологических наук, доц. кафедры теории и практики
английского языка и перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
О.В. Петрова

Москва - 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»
(ФГБОУ ВО МГЛУ)

Аннотация

к выпускной квалификационной работе
Рыкуновой Анастасии Николаевны

факультет Переводческий

направление подготовки «Теория и практика письменного и основы устного перевода»

группа 1-4-41

на тему: Влияние временной дистанции на степень архаизации при переводе
(на материале англо-русских переводов художественных текстов XIX в.)

1. Ключевые слова

Переводоведение, стилистика, историческая стилизация, архаизация, модернизация, умеренная модернизация, временной фактор при переводе, исторический колорит, архаизм, XIX век, русский язык XIX века, английский язык XIX века, К. Д. Бальмонт, Э. По, У. Теккерей, Н. Галь.

2. Структура работы

Введение, первая глава с двумя подглавами, вторая глава, заключение, библиография и список исследованных оригинальных текстов.

3. Актуальность темы выпускной работы

В существующих научных трудах большое внимание уделено рассмотрению подходов к передаче исторической стилизации и способов

сохранения исторического колорита. При этом мало затронут вопрос влияния на переводчика временной дистанции. Актуальность настоящей работы заключается в изучении этого фактора и его влияния на степень архаизации.

4. Объект, предмет, цель исследования

Объектом исследования является историческая стилизация при переводе художественных текстов.

Предметом исследования служит влияние временного фактора на степень архаизации при переводе текстов, написанных в другие эпохи.

Целью настоящей работы является подтверждение или опровержение гипотезы о возрастании степени архаизации в более поздних переводах по сравнению с более ранними и выработке практических рекомендаций для переводчиков.

5. Методы исследования

В ходе работы были использованы следующие методы: гипотетико-дедуктивный метод, методы статистического анализа и корпусного анализа.

6. Основные результаты работы

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1) При исторической стилизации наиболее приемлемым подходом является умеренная модернизация, которая подразумевает использование в основном современных средств языка с вкраплениями архаичных, что позволяет сохранить исторический колорит ушедшей эпохи, не впадая в утрировку.

2) Временная дистанция не влияет на степень архаизации перевода. Более поздние переводы могут оказаться более архаичными, чем переводы, сделанные вскоре после написания оригинала, однако наблюдается и обратная ситуация, следовательно, время перевода и степень архаизации не имеют прямой зависимости.

3) На степень архаизации воздействуют другие факторы: личная стратегия переводчика, его принадлежность к определённой переводческой

школе, задачи данного перевода, состояние переводоведения на момент создания перевода, потенциальная аудитория.

7. Заключение

В Заключении приведены основные выводы исследования. Результаты работы имеют теоретическую и практическую значимость.

Обучающаяся

Рыкунова Анастасия Николаевна

Согласовано:

Руководитель

Исаева Ольга Николаевна

кандидат филологических наук,
доц. кафедры переводоведения и
практики перевода английского
языка

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
Глава 1. Стилизация: теоретические подходы к ее передаче и практические возможности языка для создания исторического колорита.....	9
1.1. Определения стилизации, подходы отечественных и зарубежных переводоведов к стилизации, рабочая гипотеза.....	10
1.2. Особенности русского и английского языков XIX века и языковые средства, используемые при архаизации.....	24
Глава 2. Анализ переводов	42
Заключение.....	69
Библиография.....	71
Список исследованных оригинальных текстов.....	75

ВВЕДЕНИЕ

Данная магистерская диссертация посвящена изучению явления исторической стилизации и, в частности, влиянию временной дистанции на степень архаизации при переводе.

Актуальность исследования связана с необходимостью повысить качество современных переводов текстов, написанных в другие эпохи. В существующих работах тщательно описаны подходы к передаче исторической стилизации и потенциал различных языковых средств для решения задачи сохранения исторического колорита. При этом не рассмотрен вопрос, влияет ли фактор временной дистанции на степень архаизации.

Объектом исследования является историческая стилизация при переводе художественных текстов.

Предметом исследования служит влияние временного фактора на степень архаизации при переводе текстов, написанных в другие эпохи.

Цель работы состоит в подтверждении или опровержении гипотезы о возрастании степени архаизации в более поздних переводах по сравнению с более ранними, а также в теоретической разработке заявленной темы и в выработке практических рекомендаций для переводчиков.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1. Привести определение стилизации.
2. Дать обзор существующих подходов к передаче исторической стилизации.
3. Рассмотреть особенности русского и английского языков XIX в.
4. Определить, какие устаревшие языковые средства допустимо при переводе для создания исторического колорита.
5. Сравнить несколько переводов художественных текстов XIX века, выполненных в разное время на предмет глубины архаизации при переводе.
6. Провести статистический анализ на основе полученных данных.

Методологией исследования является методология системного подхода, при которой язык XIX в. рассматривается как система

разноуровневых языковых особенностей. Это позволяет смотреть на архаизацию не как на процесс, определяемый наблюдательностью и личным вкусом переводчика, а как на систематическую стилизацию текста перевода под определенный язык определенного времени.

Основными **методами исследования** стали гипотетико-дедуктивный метод, статистический анализ и корпусный анализ. Гипотетико-дедуктивный метод применялся для проверки истинности выдвинутой гипотезы на новом материале. При помощи корпусного анализа выявлялась правомерность отнесения тех или иных средств к архаичным. Статистический анализ использовался для обработки полученных данных и подсчета количества архаичных языковых средств в текстах переводов.

Новизна магистерской диссертации состоит в том, что впервые проведено целенаправленное исследование влияния временной дистанции на степень архаизации при переводе.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные выводы расширяют уже имеющиеся представления об исторической стилизации. Данная магистерская диссертация может послужить теоретической базой для дальнейших исследований.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы как в переводческой практике, так и при обучении студентов, как в ходе практических занятий, так и в рамках курса теории перевода.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и списка исследованных оригинальных текстов.

Во **Введении** обоснован выбор темы, изложена актуальность работы, определены объект, предмет, цель и задачи, сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость, используемые методы исследования.

В **Главе I** содержится разбор и сопоставление подходов отечественных и зарубежных исследователей к проблеме исторической стилизации, рассматриваются особенности русского и английского языков XIX века, изложены выводы о том, какие устаревшие языковые средства возможно передать в переводе.

Глава II посвящена анализу материалов англо-русских переводов художественных текстов XIX в. Результаты анализа обработаны статистическим методом.

В **Заключении** приведены основные выводы исследования и даны рекомендации по практическому использованию полученных результатов.

В **Библиографии** содержится список теоретических работ и использованных при анализе лексикографических источников.

В **Списке исследованных оригинальных текстов** приведены выбранные для анализа художественные произведения и их переводы.

1. СТИЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ПЕРЕДАЧЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА

В данной части мы намерены привести определения стилизации и рассмотреть подходы к этой проблеме отечественных и зарубежных исследователей. Мы рассмотрим особенности русского и английского языков XIX века, а затем сделаем выводы, какие устаревшие элементы языка представляется возможным передать в переводе.

Со временем язык развивается, исторические условия меняются, переводы устаревают. Следовательно, возникает потребность в создании новых переводов. По словам Э. Честермана, «перевод никогда не может быть конечным. Перевод исходного текста имеет гипотетический характер, его необходимо проверять и улучшать до тех пор, пока кто-либо в этом заинтересован. Вполне естественно, что некоторые тексты надо переводить вновь и вновь, так как новые поколения имеют новые взгляды на перевод и новые ожидания от перевода» (“A translation is never final. A translation of a given source text has a status of a hypothesis to be tested and refined as long as anyone is interested in doing so. It is thus quite natural that certain texts should be translated over and over again, as new generations have different views and different expectations of what a translation should be” [Chesterman A., 1997: 118]).

В возможности переводить один и тот же текст многократно был убежден и чехословацкий ученый А. Попович. Он объяснял это тем, что «перевод устаревает раньше, чем оригинальное произведение» [Попович, 1980: 128].

Действительно, делать новые переводы текстов других эпох необходимо. Однако возникает вопрос, какова будет стратегия переводчика применительно к временным особенностям языка оригинала. Данная тема интересует переводоведов на протяжении многих лет, однако фундаментальных работ, посвященных этой проблеме, не очень много. Далее мы обратимся к наиболее значительным из них.

1.1. Определения стилизации, подходы отечественных и зарубежных переводоведов к стилизации, рабочая гипотеза

В трудах по переводоведению создание определенного стилистического эффекта при переводе художественных произведений более ранних эпох именуют по-разному: передача исторического колорита [Федоров А.В., 1983: 284], передача исторической специфики оригинала [Левый И., 1974: 127], темпоральная (временная) языковая стилизация [Виноградов В.С., 2004: 143], историческая стилизация [Мешалкина Е.Н., 2008: 7], тактика хронологической адаптации текста [Сдобников В.В., 2015: 344].

О.С. Ахманова в словаре лингвистических терминов понимает под исторической стилизацией «подражание манере повествования, стилю речи и т.п., типичным для какого-либо жанра, социальной среды, эпохи и т. п., обычно стремящееся к тому, чтобы произвести впечатление подлинности» [Ахманова О.С., 1966: 454].

Похожее определение в словаре-справочнике лингвистических терминов дают Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова: «подражание стилю речи, типичному для какой-либо эпохи или социальной среды [Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976: 467].

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило стилизация определяется как «1. прием использования историзмов, нацеленный на воссоздание языка эпохи, уподобление стилю эпохи: Освежила пыльную *кольчугу* на моем плече. 2. одна из функций архаизмов, нацеленная на воссоздание языка эпохи: *Есть зело* хочется» [Жеребило Т.В., 2010: 370].

Однако ни одно из вышеуказанных определений нам не подходит, т.к. они рассматривают стилизацию с точки зрения литературоведения, а не перевода.

В данной работе мы будем опираться на определение стилизации, которое дает выдающийся отечественный лингвист В.С. Виноградов: «Переводческая языковая архаизация или темпоральная (временная) языковая стилизация — это сохранение с помощью лексических, морфологических и

синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым» [Виноградов В.С., 2004: 144].

Вопрос о стилизации возникает, когда время создания оригинала отличается от времени его перевода, то есть между автором исходного текста и современными читателями существует временная дистанция.

Стоит ли дистанцию сокращать? Здесь существуют две основные точки зрения. Приверженцы первой считают, что для современников автора оригинал не имел налета архаичности, поэтому и по прошествии времени переводчик не должен его придавать. В противном случае современные читатели перевода, выполненного через много лет после написания оригинала, будут воспринимать текст иначе, нежели современники автора, для которых он отражал реальную действительность. В этом случае переводчик прибегает к принципу модернизации (актуализации, осовремениванию перевода).

Сторонники другой точки зрения уверены, что изменения в культуре с течением времени приводят к устареванию языка художественного произведения. В результате современные носители ИЯ чувствуют, что оригинал написан на родном языке более раннего периода, и воспринимают текст не так, как его воспринимали современники автора. Если опираться на эту позицию, то при переводе необходимо давать указание на дистанцию времени. Для этого переводчик придает тексту налет архаичности, или применяет принцип архаизации (Попович в этом случае говорит об историзации [Попович А., 1980: 124]).

В.В. Сдобников пишет о предпочтении переводчиками того или иного принципа следующим образом: «В течение долгого времени эти две практики противопоставлялись друг другу как в практической переводческой деятельности (в форме выбора переводчиками одной из них), так и в теории перевода. В последнее время возобладало мнение, что архаизация и модернизация текста сосуществуют, сочетаются друг с другом». Таким образом, можно выделить три подхода к переводу текстов, написанных в более

раннюю эпоху: радикальная архаизация, резкая модернизация и умеренная модернизация [Мешалкина Е.Н., 2008: 51-52]. Рассмотрим каждый из них.

Радикальная архаизация ориентирована на формальное воссоздание архаичных элементов оригинала. Она почти не используется, так как в этом случае перевод становится тяжеловесным и непонятным.

В истории отечественного переводоведения сторонником радикальной архаизации был Н.И. Гнедич, который первым перевел на русский язык «Илиаду» Гомера в 1829 году. В его переводе наблюдается обилие архаизмов и сложных синтаксических конструкций. А.Н. Егунов и А.И. Зайцев в своей статье так объясняют приверженность переводчика намеренной архаизации: «Гнедич заставил нас, насколько это вообще возможно, воспринимать язык и стиль своего перевода примерно так, как воспринимали язык и стиль Гомера греки классической и эллинистической эпохи, создав тем самым шедевр переводческого искусства» [Егунов А.Н., 1990: 424]. Гнедич исходил из того, что предметы и события, изображенные в «Илиаде», чужды современному читателю, поэтому и обороты должны показаться ему странными:

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,
И ахейн суда по морям предводил к Илиону...».

[Гнедич Н.И., 1990: 6]

Возможно, предпочтение такого подхода связано с выбором античного произведения, при переводе которого важную роль играет авторитет автора, ведь схожим образом перевел «Одиссею» Гомера В.А. Жуковский в 1849 году. Е.Н. Мешалкина отмечает: «В.А. Жуковский был известным практиком вольного перевода на грани подражания, однако в переводе столь древнего произведения продемонстрировал стремление как можно точнее передать слово оригинала» [Мешалкина Е.Н., 2008: 11]. Приведем пример:

Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая

В людях молва про него, иль услышать о нем порицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.

[Жуковский, 2010: 23]

В качестве успешного примера использования радикальной архаизации можно привести перевод «Жизнь Бенвенуто Челлини», выполненный М.Л. Лозинским в 1931 году. Он предпринял попытку передать все искажения подлинника и осуществил целостный подход к стилизации, обратив внимание не только на лексику, но и на синтаксис. Посмотрим на примерах: «В кошельке у меня случайно был алмаз, каковой мне привелось показывать золотых дел мастерам; и хотя я был молод еще, но и в Неаполе меня настолько знали как недюжинного человека, что обласкали меня премного» [Лозинский М.Л., 1987: 154]. «Четыре дня затем спустя меня схватила превеликая лихорадка с ознобом неопишваемым; и, слегши в кровать, я сразу же почел себя смертным» [там же, с. 182]. Несмотря на высокую степень архаизации, его перевод до сих пор считается вершиной стилизаторского мастерства.

Еще более ярким примером радикальной архаизации может служить перевод романа XVII в. «Симплициссимус» Ганса Якоба Кристофа Гриммельсгаузена, выполненный А.А. Морозовым и Э.Г. Морозовой. Переводчики не стремились непосредственно к воссозданию языка XVII века, а ориентировались на создание исторической окраски, для чего достаточно использовать более поздние исторические средства. В этом переводе встречается огромное количество не только лексических архаизмов, но и синтаксических конструкций иностранного происхождения, бывших в употреблении в XVIII-XIX вв. А.В. Федоров замечает, что в основном они доступны для понимания современного читателя. Приведем примеры: «Как во всем домоустройстве моего батьки благородство весьма приметно было, то всякий разумеющий отсюда легко заключить может, что и мое воспитание тому сходствовало и подобало» [Гриммельсгаузен, 1976: 30]. «Однако же, возвращаясь к своему стаду, пусть будет ведомо, что волков я знал столько же

мало, как и свою простоту: того ради батька мой в своих наставлениях весьма прилежен был» [там же, с. 32].

Принципа радикальной архаизации придерживались и английские переводчики XIX-го века, большое влияние на которых оказала идея создания подъязыка перевода, выдвинутая немецким философом Фридрихом Шлейермахером.

Франсис Ньюман, переведший «Илиаду» Гомера в 1856 году, был убежден, что в переводе необходимо сохранять все особенности оригинала, все темные и непонятные места. Он «...использовал такое количество архаизмов, что вынужден был снабдить перевод двухстраничным глоссарием с переводом слов на современный язык» [Мешалкина Е.Н., 2008: 53]. Его перевод «Илиады» вызвал критику Мэтью Арнолда, в ответ на которую Ньюман написал целую книгу, объяснив в ней свои переводческие принципы: «Нравятся они нам или нет, причудливые особенности Гомеровского слога должны быть переданы именно потому, что перед нами автор выдающийся, автор, чьи достоинства велики и бесспорны». (“His peculiarities, pleasant or unpleasant, are to be made known, precisely because of his great eminence and his substantial deeply seated worth” [Newman F.W., 1861: 59]). Такой подход был по душе многим его современникам.

Переводы Уильяма Морриса, среди которых скандинавские саги, старофранцузские романы, «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия, также намеренно архаичны и изобилуют трудными для понимания местами. Однако талант Морриса был высоко оценен, потому что такой перевод отвечал ожиданиями читателей того времени. Вот как отзывался о переводе «Одиссеи» Моррисом Оскар Уайльд: «это настоящее произведение искусства, перевод не просто с языка на язык, а из одной поэтической системы в другую» (“it is a true work of art, a rendering not merely of language into language, but of poetry into poetry” [Bassnett S., 2002: 73]).

Характерная для викторианской эпохи концепция перевода, которая заключалась в необходимости отразить давность эпохи написания оригинала,

основывалась на убежденности переводчика в высокой ценности произведения, его совершенстве. Нередко в результате преклонения перед текстом оригинала, перевод становился трудным для понимания, что вынуждало читателя самому постичь глубинный смысл или даже обратиться к подлиннику. Однако намеренно архаичные переводы были доступны для понимания лишь образованному меньшинству, что препятствовало всеобщей грамотности.

Подход более ранней эпохи, радикальная архаизация, широко применявшаяся при работе с произведениями старинных и античных авторов, в настоящий момент считается пережитком прошлого в связи с тяжеловесностью и непонятностью широкой публике.

Прямо противоположным приемом является резкая модернизация. Она состоит в отказе от использования в переводе средств, которые ассоциируются у читателя с ушедшей эпохой. Предпочтение отдается исключительно современной лексике и синтаксису.

Резкая модернизация получила гораздо более широкое распространение, чем радикальная архаизация. Она находила и порой до сих пор находит отклик у читателей, так как благодаря использованию такого приема перевод становится простым и понятным.

Советский переводчик древней китайской поэзии А.И. Гитович настаивает на том, что оригинал был написан не книжным, а живым и естественным языком, следовательно, соответствующим образом должен звучать и перевод. «Перевод должен быть современен. На то он и современный, чтобы разговаривать с современным читателем современным языком, а не надуманными словами» [Гитович А.И., 1969: 370]. Он объясняет, что любая стилизация искажает подлинник и превращает перевод в подделку. «Некоторые переводчики, желая подчеркнуть свое понимание историчности, пытаются архаизировать язык перевода. Такой метод перевода лицемерен и фальшив» [там же, стр. 374].

Схожих взглядов придерживается и советский переводчик О.Л. Кундзич, причем его позиция в этом вопросе еще более жесткая: «Само слово *архаизация* мне кажется настолько диким, не имеющим места в советской теории перевода. Что значит архаизировать текст?.. Не значит ли это – как шпигуют окорок чесноком, шпиговать текст лексическими и синтаксическими слоями, вроде *нежели, отнюдь, коль скоро и поелико?*» [Кундзич О.Л., 1968: 230] Он уверяет, что, для того чтобы показать степень устаревания оригинала, нет необходимости намеренно архаизировать перевод, ведь дистанция времени может быть передана через передачу событий, явлений, образов и вещей прошлой эпохи.

Их взгляды на резкую модернизацию разделяет и Б.Л. Пастернак. «Вместе со многими я думаю, что дословная точность не обеспечивает переводу истинной близости. ...сходство перевода с подлинником достигается живостью и естественностью языка. Наравне с оригинальными писателями переводчик должен избегать словаря, не свойственного ему в обиходе, и литературного притворства, заключающегося в стилизации» [Пастернак Б.Л., 1987: 428].

К сторонникам резкой модернизации можно отнести и Н.А. Заболоцкого, который с помощью этого приема стремился сделать классику более доступной для восприятия и понимания широкой общественности. Д.С. Лихачев так отзываясь о его переложении «Слова о полку Игореве»: «Ваш перевод я ценю как современное поэтическое восприятие поэзии прошлого. Поэтому, конечно, к нему нельзя предъявлять требования археологической точности» [Заболоцкий Н.А., 1969: 169].

Чехословацкий ученый И. Левый также высказывается скорее против архаизации произведений, написанных в отдаленную эпоху, приводя такой пример: «„Дон Кихот“ Сервантеса был написан языком нейтральным, для современного ему читателя стилистически и национально не окрашенным, для того времени совершенно лишенным архаичности. Логично и переводить его в целом неокрашенным чистым родным языком» [Левый И., 1974:128]. Следует

использовать архаизмы лишь в том случае, если лексическая единица передает историческую специфику оригинала, которую сможет понять и прочувствовать современный читатель перевода, то есть элемент должен быть типичным и ассоциироваться исключительно с национальной культурой определённого периода. Если же такой элемент не создает иллюзию национальной среды, то следует выбирать нейтральные средства.

Модернизирующий принцип был господствующим и в зарубежной теории перевода с середины и до конца XX века.

Одним из его сторонников является американский переводчик Б. Раффел. С одной стороны, он тщательно сохраняет синтаксическую структуру оригинала, не допуская членения и объединения предложений, изменения знаков препинания. С другой стороны, он избегает архаизмов, находя нейтральные варианты перевода устаревшей лексики. «В переводах Раффела преобладает сегодняшний английский; многим устаревшим словам найдены современные эквиваленты, но в целом отсутствуют явные модернизмы» [Мешалкина, 2008: 60]. Раффел стремится модернизировать текст перевода, чтобы приблизить его к современному читателю, одновременно развлечь его и просветить. Такая позиция близка англоязычным читателям, поэтому за рубежом переводы с резкой модернизацией получают большее одобрение общественности, чем в отечественной практике.

Еще более радикальную модернизацию применяет американка Э. Гроссман. Некоторые читатели, отзываясь о её переводе «Дон Кихота» Сервантеса, жалуются на то, что в нем «нет ни единого предложения, написанного неразговорным стилем» [там же; стр. 61].

Даже в западных странах все чаще звучат мнения, что, полностью отказавшись от архаизации, переводчик рискует в недостаточной мере передать дух оригинала.

Наиболее удачным решением при переводе текстов другой эпохи видится компромисс между архаизацией и модернизацией, или умеренная модернизация. Именно сторонники этого подхода заложили основы подхода к

передаче дистанции времени, который господствует на современном этапе, и разработали соответствующую терминологию. Далее мы рассмотрим, как приверженцы умеренной модернизации рассуждали о преимуществах данного подхода.

К.И. Чуковский ещё не рассматривает непосредственно вопрос стилизации, но уже затрагивает его в «Высоком искусстве», рассуждая о стиле. Он предостерегает переводчиков от использования в переводе слов, относящихся к разным историческим периодам, что ведет к отсутствию слаженности и гармоничности: «У каждой эпохи свой стиль, и недопустимо, чтобы в повести, относящейся, скажем, к тридцатым годам прошлого века, встречались такие типичные слова декадентских девяностых годов, как настроения, переживания, искания, сверхчеловек» [Чуковский К.И., 2014: 127]. Если в переводе появляются слова, нехарактерные для эпохи оригинала, распространившиеся позднее, Чуковский считает это дефектом.

А.В. Федоров, хотя еще не использует современную терминологию, разделяет перевод отдаленных по времени произведений (позднее будут названы архаическими) и перевод современных произведений с авторской стилизацией (позднее архаизированные). В данной работе мы ограничиваемся исследованием перевода архаических текстов. Перевод архаического произведения «предполагает использование в основном современного языка в переводе, хотя бы и с отбором словарных и грамматических элементов, которые в известных случаях позволяли бы соблюсти нужную историческую перспективу» [Федоров А.В., 1983: 285].

Важную роль играют рассуждения И.А. Кашкина, который в советское время создал и обосновал реалистический подход в переводе. Этот известный теоретик перевода считает, что переводчику необходимо передавать не только содержание, но и форму текста оригинала, в котором «в частности находит свое отражение национальное своеобразие подлинника и отпечаток эпохи» [Кашкин И.А., 1977: 444-445]. При передаче черт времени и места следует сохранять стилевое единство, не увлекаясь чрезмерной архаизацией. В то же

время для соблюдения исторической перспективы Кашкин рекомендует отказаться от излишнего осовременивания. Переводчик должен достичь понятности языка перевода, принимая за критерий оценки способность «на современном русском языке воссоздать текст подлинника так, как его воспринимали современники автора» [там же, стр. 481]. Кашкин создал школу художественного перевода для талантливых переводчиков, которые оставили нам наследие великолепных переводов классических произведений литературы, на практике доказывая обоснованность теоретических идей своего учителя.

Практик перевода Любимов Н.М. убежден, что достигать словесного колорита эпохи следует без использования вычурных, непонятных архаизмов. Он считает верным такую степень архаизации, при которой переводчик «употребляет такие старинные речения, которые, сохраняя аромат старины, вместе с тем без подстрочных примечаний понятны современному читателю» [Любимов Н.М., 1982: 93]. Для передачи духа времени важно отказаться от явных модернизмов, а не нагромождать архаизмы.

Позиция В.С. Виноградова состоит в том, чтобы разделить перевод на синхронный (не путать с видом устного перевода) и диахронный. Синхронный перевод осуществляется в эпоху создания оригинала. В этом случае автор и переводчик являются современниками, следовательно, мастер переводческого искусства легко может определить, какие из использованных элементов оригинала представляют собой лексические или грамматические архаизмы. При диахронном переводе речь идет о переводе произведений прошлых веков, когда создание подлинника от перевода отделяет целая эпоха. Известно, что язык со временем устаревает, происходит его естественная архаизация. Даже квалифицированному переводчику сложно распознать, какие обороты считались архаичными еще в эпоху создания оригинала и использовались для достижения определенного стилистического эффекта, а какие стали архаичными к моменту перевода.

Если принять во внимание, что при чтении оригинала другой эпохи носитель языка чувствует его архаичность, то такой же коммуникативный эффект должен быть воспроизведён и в переведенном тексте. Однако не следует забывать, что и на родном языке тексты претерпевают изменения (главным образом, они касаются графики и морфологических форм). Следовательно, если текст оригинала несколько осовременивается, то и текст перевода должен излагаться на современном языке, достаточно понятном читателю. При этом искусство переводчика заключается в том, чтобы с опорой на современный язык создать перевод с удачно подобранными языковыми элементами, которые бы позволили читателю ощутить временную дистанцию.

Виноградов отмечает, что архаизация – это настоящее искусство. «В речь вкрапливаются языковые элементы не какого-то конкретного периода конкретного века, а осуществляются такие отступления от современной нормы, которые представляются несколько архаичными. Подобные вкрапления не связаны с научной историей языка» [Виноградов В.С., 2004: 144]. Для использования временной стилизации переводчику необходимо чувство меры, чтобы избежать двух крайностей: сплошной архаизации с одной стороны и чрезмерной модернизации с другой.

В.С. Виноградов отмечает, что основой для переводческой архаизации служит опыт отечественной литературы. Как при создании исторического романа русские писатели используют современный язык, лишь частично отклоняясь от нормы для отображения описываемой эпохи, так и при переводе следует придерживаться современной литературно-языковой нормы, ненавязчиво намекая читателю на временную дистанцию. Так литературовед В.В. Виноградов при создании исторических произведений на первое место ставит прагматический аспект, подчеркивая, что «отношения между языком исторического романа и изображаемой им эпохи лишены принудительно-документального характера: важна не точность цитаты, а впечатление читателя, зависящее от художественной, а не хроникальной правды» [Виноградов В.В., 1959: 543]. В своих рассуждениях он отталкивается от

мнения советского лингвиста Г.О. Винокура о том, что «язык исторического романа это есть современный язык, приспособленный для изображения прошлого, а не язык прошлого, приспособленный для современного читателя» [Винокур Г.О., 1991: 413].

Среди современных исследований в области архаизации можно выделить работы В.К. Ланчикова и Е.Н. Мешалкиной.

Ланчиков, вслед за В.С. Виноградовым, делит перевод на диахронический (перевод архаических произведений, т.е. написанных в другую эпоху) и синхронический (перевод архаизированных произведений, т.е. стилизованных самим автором). По его мнению, при синхроническом переводе важно тщательно и аккуратно передавать стиль определенной эпохи, так как сам автор оригинального текста решил применить архаизацию как стилистическое средство и намеревался создать угадываемое языковое пространство. При диахроническом переводе достаточно соблюдать условно историческую стилизацию. Следовательно, нет необходимости соблюдать архаическую точность, можно использовать архаизмы различных эпох. В.К. Ланчиков отмечает, что «при диахроническом переводе глубина стилизации – величина переменная: она в каждом отдельном случае определяется задачей, которую ставит перед собой переводчик, а не коммуникативным намерением автора исходного текста» [Ланчиков В.К., 2002: 116].

Е.Н. Мешалкина в своей диссертации на основании временного фактора разработала типологию текстов. Она выделяет следующие три типа: архаичные тексты (Т1), архаизированные тексты (Т2) и одновременно архаичные и архаизированные тексты (Т3), и для каждого типа предлагает стратегию перевода. Ключевым для всех типов Мешалкина, вслед за В.В. Виноградовым и другими исследователями, считает наличие «баланса принципов модернизации и архаизации применительно к конкретному тексту при целенаправленном и носящем системный характер отборе языковых единиц различных языковых уровней (лексических, грамматических, синтаксических)» [Мешалкина Е.Н., 2008: 10]. Что касается перевода типа Т1,

т.е. архаичных текстов, который мы исследуем в данной работе, он «требует умеренно модернизирующего подхода с оглядкой на историческую специфику оригинала (адекватной модернизации)» [там же, с.133].

Также по мнению Е.Н. Мешалкиной, не следует приравнивать архаизацию к исторической стилизации, так как архаизация (передача исторического своеобразия оригинала) является лишь одним из ключевых принципов стилизации, вторым из которых следует считать модернизацию (осовременивание перевода).

Итак, отечественные переводоведы середины XX – начала XIX века являются преимущественно сторонниками умеренной архаизации.

Такие взгляды разделяют во многом и представители западного переводоведения.

Большой вклад в изучение передачи исторического колорита внесли чехословацкие ученые А. Попович и Б. Хохел.

А. Попович утверждает, что в том случае, если переводчик выбирает не современного ему автора, то у него есть возможность следовать двум принципам: либо историзирующему (охранительному) принципу, в котором преобладает ориентация на текст отправителя литературного сообщения, либо модернизирующему принципу, ориентирующемуся на современного читателя перевода и его эстетические привычки. Переводчик, как правило, сочетает оба этих принципа: он одновременно и актуализирует прошлое, чтобы сделать его доступным для современников, и использует историзирующие приемы, чтобы передать особый колорит оригинала.

Его соотечественник Б. Хохел рассматривает перевод с точки зрения передачи восприятия времени и пространства. Он предлагает четыре варианта стратегии перевода, сочетаемых в зависимости от переводческого замысла. Для ликвидации временного барьера между моментом создания оригинала и перевода переводчик следует модернизирующему принципу, для его сохранения – историзирующему. Если переводчик хочет ликвидировать пространственное несовпадение, то предпочитает принцип натурализации;

если же пространственный сдвиг не принимается переводчиком во внимание, то используется принцип экзотизации. Перевод представляет собой комбинацию между модернизацией и историзацией, а также между натурализацией и экзотизацией. В конце статьи «Время и пространство в переводе» Хохел делает следующий вывод: «Перевод должен не только донести до читателя впечатление от оригинала, но и дать ему определенную культурную и историческую информацию, т.е. сохранить атмосферу, характерную для среды, в которой создавался оригинал» [Хохел, 1988: 171].

Преимущества сочетания модернизации и архаизации при исторической стилизации признают и британские исследователи А. Тернер и Ф. Джонс. В совместной работе они отмечают, что «выбор стратегии при переводе старых текстов лежит в диапазоне между сверхархаизацией (*hyperarchaisation*) и решительной модернизацией (*violent modernization*)» [Мешалкина, 2008: 37].

Несмотря на разные подходы к вопросу исторической стилизации в отечественном и зарубежном переводоведении на протяжении долгого времени, в настоящее время многие переводоведы высказываются в пользу умеренной модернизации при работе с произведениями, написанными задолго до осуществления их перевода.

Как мы видим, вопросу стилизации в переводе посвящены труды многих авторов, в которых рассмотрены подходы к переводу старых текстов и сделаны выводы о предпочтении умеренной модернизации. Безусловно, на протяжении всей истории перевода на степень архаизации влияет целый набор факторов: личная стратегия переводчика, его принадлежность к определённой переводческой школе, задачи перевода, состояние переводоведения на момент создания перевода, потенциальная аудитория. Но есть и еще один потенциальный фактор, упомянутый в статье В.К. Ланчикова «Два портрета одного человека».

В.К. Ланчиков сравнивает свой перевод отрывков из дневника англиканского богослова Уильяма Палмера и их перевод, выполненный в 1894 году, и обнаруживает хронологический парадокс: «Самое парадоксальное (на

первый взгляд) различие двух сравниваемых переводов состояло в том, что перевод, сделанный в начале XXI в., по языку оказался архаичнее перевода, выполненного в конце века девятнадцатого» [Ланчиков В.К., 2012: 9].

Это наблюдение заставляет задуматься о том, меняется ли степень архаизации при переводе текстов ушедшей эпохи по мере того, как увеличивается временной интервал, отделяющий переводчиков от автора. Вслед за автором статьи мы намерены предположить, что степень архаизации возрастает, если перевод делают спустя долгие годы, а затем доказать или опровергнуть высказанную гипотезу.

1.2. Особенности русского и английского языков XIX века и языковые средства, используемые при архаизации

Для того чтобы доказать или опровергнуть выдвинутую гипотезу, мы должны разобраться в том, какие особенности отличают русский и английский язык XIX в. от их современных ипостасей, и какие из них допустимо воспроизводить в ходе исторической стилизации (в нашем случае – именно архаизации) текста. Таким образом, мы будем иметь основания для выявления устаревших элементов в оригинале и анализа способов их передачи в переводе.

Особенности русского языка XIX века

Отличительные черты русского языка будут кратко приведены из грамматик А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Ф.И. Буслаева и П.Г. Барщевского. Ввиду ограниченного объема изложения, невозможно подробно пересказать все особенности, поэтому мы остановимся только на том, что широко использовалось в XIX веке, но нехарактерно для современного языка.

Лексика

Архаическая лексика – одна из основных особенностей языка 19 в. Она представляет собой широкий пласт языковых средств для архаизации. Однако

мы не будем подробно останавливаться на этой теме, так как она исчерпывающе изложена в работах других лингвистов. Приведем лишь несколько примеров: *пагуба – погибель, ресторація – ресторан, пристанище – порт, штиль – стиль, живот – жизнь.*

Местоимения XIX в. довольно сильно отличаются от нынешних, использовалось много слов, непривычных для современного носителя. Среди них можно выделить местоимения указательные: *сей* (этот), *оный* (тот), *этакый* (такой), *толикий* (столький); относительные: *кой* (который), *каковый*; вопросительное: *коликий* (столький); определительные: *инаков* (иной), *всяк* (любой).

В XIX веке встречаем немало наречий, которые на сегодняшний день устарели. Среди них те, что показывают качество (*худо* вместо *плохо*), количество (*ни однажды* наряду с *ни разу*), время (*ныне* наряду с *теперь*, *давеча* вместо *недавно*, *издетства*, *смолоду*, *доселе* наряду с *до сих пор*, *дотоле* наряду с *до тех пор*), место (*отселе* наряду с *отсюда*, *оттоле* наряду с *оттуда*), подлинность (*ужели* и *неужто* наряду с *неужели*, *авось*, *только* наряду с *только*), меру качества (*невпример* наряду с *гораздо*, *стократ* вместо *многократно*, *ливмя*, то есть сильно, *сидма*, то есть прилежно, не сходя с места).

Среди устаревших предлогов можно отметить *подле* (около), *наsupротив*, *окрест* (вокруг), *опричь* (кроме, вне), а также устаревшие формы *чрез* (через), *меж* (между), *пред/предо* (перед).

К устаревшим союзам относятся *ибо* (потому что), *поелику* (поскольку), *понеже* (так как), *посему* (поэтому).

Орфография

Дореформенная орфография значительно отличается от современной.

Так, например, в именах прилагательных, числительных и местоимениях прилагательных, имеющих в именительном падеже мужского рода окончание *-ый*, *-ий*, родительный падеж оканчивается на *-аго*, *-яго*

(*добрый, доброга; синий, синяго; первый, перваго; оный, онаго; всякий, всякаго*).

В приставках, оканчивающихся на *-з* и *-с* перед глухой согласной *с* пишется *з*: *рассказать, воссоединить*. А приставки *без-, через-, чрез-* вообще не имеют варианта с глухой согласной *с* на конце: *бессонница*.

Более того, в современном русском языке отсутствуют некоторые буквы: *ѣ, ѵ, ё, ѣ*. Изменились даже правила переноса слов.

И все же мы позволим себе не описывать тщательно орфографические правила XIX в. Позднее мы поясним, почему.

Морфология

Имя существительное вызывает у нас интерес с точки зрения падежных окончаний.

Существительные мужского рода, означающие вещество и имеющие в именительном падеже окончания *-ь, -й* и нулевое, образуют форму родительного падежа с помощью окончаний *-у, -ю*: *сахару, песку, дегтю, чаю*.

Существительные женского рода единственного числа в творительном падеже имеют окончания *-ою, -ею*: *водою, неделю*. В то же время уточняется, что они могут принимать и сокращенное окончание *-ой, -ей* вместо *-ою, -ею*.

Некоторые неодушевленные существительные мужского рода с нулевым окончанием имеют в предложном падеже после предлогов *в, на* окончание *-у*, хотя возможен и вариант *-е*: *на острову, в дому; на острове, в доме*.

Двойное окончание во множественном числе имеют без различия в смысле *дом – дѡмы и домá; год – гѡды и годá; век – вѣки и векá; рог – рѡги и рогá; снег – снѣги и снегá*.

Множественное число слов *друг, муж*: *друзья, мужья*, хотя допустимы и формы *други, мужи*.

Отличаются от современных норм формы множественного числа на *-ко*. Так, например, существительное *облако* в родительном падеже множественного числа имеет форму *облак*, а *яблоко* – *яблоков*.

В рассуждении о прилагательных в первую очередь надо отметить распространённость краткой формы: *добр*, *тих*. Краткие прилагательные употребляются в сказуемом в именительном падеже (*эта книга полезна*) или в дательном падеже с глаголом *быть* (*быть битую*, *быть веселу*).

Отдельный интерес для нас представляют притяжательные прилагательные. Они делятся на родовые, или общие, и личные, или частные. Первые показывают происхождение предмета от целого рода предметов и употребляются только в полной форме: *львиный рев*, *лисий хвост*. Они широко используются и в современном русском языке. Вторые обозначают происхождение предметов от одного известного лица и используются лишь в краткой форме: *отцев сын*, *женин брат*, *дочерин муж*, *Иванов день*. Данные формы являются приметой старины, они изжили себя.

Из приведенных выше примеров видно, что краткая форма прилагательных распространена в XIX веке гораздо больше.

Особое внимание обратим на склонение прилагательных.

Прилагательные женского рода единственного числа в творительном падеже имеют формы *-ою*, *-ею*: *новою*, *сыновнею*. Как и в существительных, они могут сокращаться до *-ой*, *-ей*.

Если прилагательные в единственном числе имеют окончания *-ый*, *-ий*, *-ой*, *-ая*, *-ое*, *-ая*, *-ее*, то окончания во множественном числе для мужского рода будут *-ые*, *-ея*, а для женского и среднего – *-ья*, *-ия*: *добрые люди*, *добрыя вести*, *добрыя дела*, *синие плащи*, *синия ленты*, *синия пятна*. В современном русском языке формы для всех трех родов одинаковые, как для мужского рода.

Остановимся подробнее на степенях сравнения прилагательных. Сравнительная степень имеет склоняемые окончания *-ейший*, *-айший*, *-иий* (*белейший*, *легчайший*, *худший*) и спрягаемые окончания *-ее*, *-е* (*белее*, *легче*, *хуже*). Склоняемые формы во многих случаях устарели.

Превосходная степень прилагательных также имеет склоняемую и спрягаемую формы. Склоняемая форма превосходной степени соответствует склоняемой форме сравнительной степени, если подразумевается *из всех* (*легчайший, лучший* (из всех)); к ней можно добавить приставку *наи-* (*наилегчайший, наилучший*). Склоняемая форма также образуется путем прибавления к положительной степени слова *самый*: *самый легкий*.

Спрягаемая форма достигается с помощью добавления слов *всех, всего* перед спрягаемой формой сравнительной степени прилагательного: *всех легче, всех лучше, всего важнее, всего труднее*. Данный способ образования превосходной степени в современном языке используется реже.

Далее поговорим о числительных. Количественное числительное *восемь* теряет букву *в* в родительном, дательном и предложном падежах: *без осьми, по осьми, при осьми*. Буква *в* отсутствует и в порядковых числительных, производных от восемь: *осьмой, осьмнадцатый, осмидесятый*.

Числительные *сорок, девяносто, сто* склоняются так же, как и в современном языке за некоторым исключением: после предлога по дательный падеж оканчивается на *-у*, а не на *-е* (*по сту рублей, по сороку алтын*).

В языке XIX века используются некоторые дробные числительные, которые в наше время устарели: *полтретья* (два с половиной), *осьмуха* (одна восьмая часть). *Какой молодой человек, в свою очередь, не увлекался славой выпивания полтретья ведра? [НКРЯ, Фет А.А., 1871]; Когда она достаточно размягчится, бросьте всё и бегите в лавочку; в ам нужно на две копейки луку, пол-осьмухи масла, копейки на три муки [НКРЯ, Осипович А.О., 1880].*

Количественное числительное женского рода *одна* и порядковые числительные в творительном падеже имеют окончание *-ою* вместо *-ой*: *одною, первою*.

Говоря о местоимениях, следует отметить, что в XIX веке личное местоимение женского рода третьего лица единственного числа имело форму

родительного падежа *ея*. Однако отмечается, что окончание родительного падежа может быть заменено окончанием винительного: *я ее не видел* вместо *я ея не видел*.

Личные местоимения женского рода 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа, возвратное местоимение *себя*, а также притяжательные, указательные, определительные в творительном падеже имеют окончания *-ою, -ею* вместо *-ой, -ей*: *мною, тобою, ею, собою, моею, нашею, сею, тою, всею*.

Перейдя к глаголу, в первую очередь отметим наличие у глаголов в XIX веке многократного вида, который показывает, что действие было повторено в прошлом несколько раз: *читывать, хваливать*.

Распространены безличные формы глаголов *велено, должно, лъзя*, на смену которым в современном языке пришли *необходимо, нужно, можно* (впрочем, они использовались и в XIX веке).

Остановимся на спряжении глагола *быть*. В настоящем времени изъявительного наклонения форма *есть* сочетается лишь с существительным 3 лица единственного числа: *он есть*. Остальные формы устарели: *я есмь, ты еси, мы есмы, вы есте, они суть*. *Людам..., которые ценят вещи по их результатам, видят их, как они суть, а не так, как бы должны были быть* [НКРЯ, Белинский В.Г., 1844].

Многократный вид есть и у причастий: *хаживавший*.

Как и в наше время, деепричастия делятся на действительные и страдательные, однако мы наблюдаем много форм, которые в современном русском языке не употребляются. Среди них действительные деепричастия настоящего времени: *веля, пиша, живучи*; действительные деепричастия прошедшего времени: *читавши, живши*; страдательные деепричастия настоящего времени: *будучи послан, будучи читаем*; страдательные деепричастия прошедшего времени: *быв послан, быв судим*.

В этой части мы поговорим об употреблении падежей, о порядке слов в предложении и о знаках препинания.

В XIX веке часто использовался родительный падеж обозначения. В этом случае родительный падеж ставится при имени существительном, когда другим именем существительным обозначается качество предмета, его признаки: *человек пожилых лет, дитя семи месяцев, ученик хорошего поведения, рыба отличного вкуса.*

О родительном падеже обозначения пишет в статье «О выражении значения неотторжимости в русском языке» М.А. Журинская. В XIX в. широко распространено описание вида или состояние человека/предмета через описание его части (*девица не совсем красивого лица; человек мягкого и доброго сердца*).

В современном языке признак предмета принято выражать прилагательным и ставить в препозиции по отношению к существительному: *пожилой человек, семимесячное дитя.*

При выражении обладания и присвоения возможно использование как родительного падежа, так и дательного: он хозяин *этого дома/ этому дому*, виновник *дела/делу*, наследник *имения/имению*. В наше время нормой является родительный падеж.

Глаголы, означающие действие или обращение к предмету, требуют после себя дательный падеж с предлогом *к*: *нести к, писать к*. Употребление предлога *к* для современного языка нехарактерно.

Некоторые глаголы движения, требующие винительного падежа, допускают после себя и существительные в творительном падеже: *вертеть палку/палкою, трясти голову/головою, шевелить губы/губами*. В современном русском языке закрепилась норма с когда-то факультативным творительным падежом.

Творительный падеж употребляется при именах существительных, которые обозначают часть предмета, отличающуюся каким-либо качеством:

лицом бел, волосом рус, широк плечами. В наше время распространено использование прилагательных в препозиции: *русоволосый, широкоплечий.*

Также можно отметить такие отдельные особенности, как употребление устаревших предлогов после глаголов: *ругаться над кем-то* вместо на кого-то, *сомневаться о чем-то* вместо в чем-то.

Обратим внимание на самые заметные изменения в порядке слов.

В XIX веке притяжательные и указательные местоимения ставятся как перед существительным, так и после него в равной степени: *мой друг/друг мой, эта лодка/лодка эта.*

Обратим внимание на статью М. Виднэс «О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVIII-XIX вв.». Этот лингвист выделяет четыре способа выражения принадлежности: притяжательное прилагательное в препозиции и в постпозиции (*Петров дом, дом Петров*) и существительное в родительном падеже в препозиции и постпозиции (*Петра дом, дом Петра*).

Распространенный в настоящее время родительный падеж принадлежности в постпозиции появился в русском языке лишь в XVIII в. под иностранным влиянием, а исконно русским является притяжательное прилагательное в препозиции.

Переход к родительному падежу принадлежности произошел в начале XIX в., хотя наряду с ним сохранялось употребление притяжательного прилагательного в обеих позициях. А вот к середине XIX в. осталось только два основных способа выражения принадлежности: «Если обратиться к русской прозе XIX-го века, то мы находим почти одинаковое количество притяжательного прилагательного и родительного падежа принадлежности. Первый всегда препозитивен, второй всегда постпозитивен» [Виднэс М., 1958: 174]. Например, *Егоров сын, сын Егора.*

В придаточном предложении на первом месте расположен союз или союзное слово, поэтому нередко можно встретить непривычные для нас фразы: *человек, которого добродетели всем известны.*

При глаголах со значением *думать* вместо придаточного изъяснительного с союзами *что, будто* употребляется инфинитив: *Думал быть с тобою неразлучен.*

Позволительно не относить действие, выражаемое деепричастием, к действующему подлежащему: *Лишившись матери, мне оставался друг.*

Что касается знаков препинания, следует помнить, что в XIX веке после вопросительного и восклицательного знаков допускалось использование строчной буквы: *Хочешь моей дружбы? старайся приобрести её. О други, скоро!.. день грядет.*

Особенности английского языка XIX века

Для описания английского языка XIX века мы почерпнули информацию в справочнике “Live and Learn: A Guide for All who Wish to Speak and Write Correctly”, книге Генри Суита и статье Линды Маглстоун.

Сразу следует отметить, что в XIX веке английский язык сформировался почти в таком виде, в котором дошел до наших дней, поэтому отличительных черт, характерных для позапрошлого столетия, но изживших себя, не очень много. “The English of the present day differs from that of 1800 ‘only in relatively minor ways’ writes Fennel; Gerry Knowles similarly allows only ‘little subsequent change [since 1800] in the forms of the standard language’” [Lynda Mugglestone, 2006: 278]. Далее мы обратим внимание на те немногие особенности, которые отличают современный английский язык от языка XIX века.

Лексика

Наиболее крупную группу отличительных особенностей составляют архаизмы: *bedchamber – bedroom, affright – frighten, fain – willing.*

Широко используются некоторые предлоги, которые в настоящее время устарели или перешли в разряд книжных: *betwixt* (between), *amidst* (amid); наречия: *hence* (from here), *whence* (from where); союзы: *whilst* (while).

Орфография

В XIX века все еще сохраняется вариативность написания некоторых слов: *connection/connexion, negotiate/negotiate, chemistry/chymistry*. В разных частях речи друг друга заменяют s/z (*surprise/surprize, fuse/fuze, cruise/cruize, cosy/cozy*). В равной степени допустимо употреблять существительные на *or/our* (*favor/favour, honor/honour, color/colour*). Формы на *or* не связаны с американским вариантом английского языка, в то время они были широко распространены в британском варианте и считались более современными. В орфографии нередко сохраняется удвоение согласной *l*, однако используется и современные формы (*untill/ until, novellist/novelist, beautifull/beautiful*).

Вплоть до середины века притяжательные местоимения абсолютной формы могли писаться с апострофом; *her's, our's, your's, their's* существовали наряду с *hers, its, ours, yours, theirs*. Несмотря на то что в грамматиках того времени правильными считались формы без апострофа, ошибочные варианты продолжали встречаться в частной переписке и даже в художественных произведениях.

Морфология

Еще не устоялись формы числа имен существительных. Так слово *news* используются как в единственном числе, так и во множественном числе, а слово *pains* почти никогда не употребляется в единственном числе. Множественное число от *person* – *persons*, а использование формы *people* допускается только в значении *nation* (*Many persons think so*).

Прилагательные превосходной степени могут образовываться путем прибавления к словам *-most*: *aftermost, uppermost, topmost, endmost*.

В XIX веке в английском языке уже закрепились формы местоимения 2-го лица единственного числа *you* (до этого оно употреблялось только для выражения множественности), однако употребляются и такие устаревшие формы, как личные местоимения *thou, thee* и притяжательное местоимение *thy*.

При этом устаревшие местоимения воспринимаются как стилистически маркированные и допустимы только при тесных дружеских отношениях.

Для передачи возвышенного стиля к глаголам 2-го лица единственного числа в форме прошедшего неопределенного времени добавляется *-est* (*lookest, heardest*), а к глаголам 3-го лица единственного числа в форме настоящего неопределенного времени – *-th* (*he calleth*).

Варьируются формы причастий прошедшего времени: *woken/waked, Built/builded, caught/catched*.

Если слово начинается с придыхательной *h* и ударение падает на второй слог, вместо неопределенного артикля *a* часто употребляется *an*: *an historical piece, an hereditary government*.

Синтаксис

Распространено использование прилагательных вместо наречий: *I always act agreeable to my promise. He speaks slow*.

Часто совершаются ошибки в использовании предлогов после глаголов: *accuse from* вместо *of*, *different to* вместо *from*, *depend of* вместо *on*.

После местоимений *everybody, each* порой встречаются глаголы во множественном числе: *Each of them are/Everybody are enthusiastic*.

Нередко местоимение *who* используется вместо *whom*: *Who did you give it to? Who is this for?*

Одной из распространенных ошибок, свойственных образованным англичанам, является употребление перфектного инфинитива после глаголов намерения: *I intended to have returned on Monday* вместо *to return, I fully expected to have seen you* вместо *to see*. Филологи боролись с этим нелогичным ошибочным вариантом, объясняя, что намерение совершить какое-либо действие всегда предшествует самому действию.

Перед причастием прошедшего времени в XIX веке настоятельно рекомендуется использовать глагол *be*, а не *have*: *she is arrived* вместо *she has arrived, the rain is ceased* вместо *the rain has ceased*. Дело в том, что несмотря

не распространение форм с *have*, филологи отдавали предпочтение традиционной форме, всеми силами пытались противостоять возникающим изменениям.

По правилам для образования отрицания в настоящем неопределённом времени в XIX веке уже требуется вспомогательный глагол *do*, однако используется он не всегда: *I know not* вместо *I don't know*. Такая же ошибка встречается и в специальных вопросах: *What say you?*

Широко распространён герундиальный оборот *the+герундий+of*, где герундий выступает в значении существительного: *He thanked them for the saving of his life* вместо *He thanked them for saving his life*.

Сравнивая современный русский литературный язык с английским, можно сделать вывод, что нормы первого очень сильно изменились на всех уровнях, а нормы второго сохранились с XIX века почти в неизменном виде. Однако в английском языке не все нормы прижились сразу, поэтому и в художественной литературе просматривались отклонения. «Английский язык начала XIX в. гораздо ближе к современному английскому языку, чем русский того времени – русскому языку наших дней» [Мешалкина, 2008: 155].

Даже подробно изучив нормы русского и английского языков XIX века, мы не можем утверждать, что при переводе старых текстов допустимо использовать все устаревшие особенности, ведь нельзя забывать о чувстве меры.

Вернемся к положению о том, что русская традиция стилизации в переводе опирается на опыт создания исторических произведений. В.В. Виноградов настаивает на том, что в основе повествования должен лежать современный русский язык, а отклонения от устоявшейся языковой традиции могут быть лишь частичными. Следовательно, несмотря на то, что расхождения между русским языком XIX века и языком XXI века поистине многочисленны, нельзя бездумно переносить в текст перевода все черты, характерные для текстов другого столетия.

Итак, что можно сохранить для передачи колорита изображаемой эпохи и чего следует избегать?

В научных трудах чаще всего дают подробное описание архаизмов и их роли в создании колорита ушедшей эпохи. В данной работе типы архаизмов и их примеры представлены в соответствии с классификацией Л.И. Рахмановой в учебнике «Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология». Группы архаизмов выделяются на основании того, какая именно особенность отличает устаревшее слово от его современного синонима:

1. Собственно лексические архаизмы – слова, устаревшие целиком (по форме и по значению) и вытесненные современным синонимом: *дабы* (чтобы), *кров* (крыша), *уповать* (надеяться и твердо верить) и т.п. Эта группа архаизмов составляет самый широкий пласт и является любимым средством стилизации.

Однако лишь посредственные писатели осуществляют стилизацию только на лексическом уровне языка, ведь в этом случае невозможно добиться целостной стилизации. Примером целостной стилизации могут служить драмы А.К. Толстого, при том что «архаическая лексика в драмах этого великого мастера стилизации составляет лишь около 5% всего лексического состава текста» [Мешалкина, 2008: 97]. Следовательно, насыщение перевода архаизмами не просто не делает текст ярче и сочнее, но, наоборот, портит его.

При выборе архаической лексики мы ориентируемся на то, что та или иная единица все еще не забыта носителями языка, она не вышла из употребления окончательно, а была вытеснена более современным синонимом. Если у переводчика возникает ощущение, что устаревшее слово или оборот не будут поняты читателем, стоит заменить его на нейтральное средство и прибегнуть к компенсации.

В переводе стоит избегать собственно-лексических архаизмов старославянского происхождения (око, длань), так как они искажают дух оригинального текста.

2. Лексико-фонетические архаизмы – слова, отличающиеся от современных синонимов несвойственным звуком или сочетанием

звуков: *галстух* (галстук), *гишпанский* (испанский), *зерцало* (зеркало), *в печи* (в печи), *прожект* (проект), и т.п.

Если переводчик попытается передать фонографическую стилизацию аналогичными средствами, это скорее всего приведет к русификации текста. Дело в том, что в русском языке «нередко особенности орфоэпии связаны с различием церковнославянской и восточнославянской по происхождению лексики» [Мешалкина Е.Н., 2008: 101]. Включая в текст перевода старославянские слова с неполногласными звукосочетаниями (*брег, глас, золотой, чрез*), мы привносим в текст оригинала русский национальный колорит, которого быть не должно.

Следовательно, оптимальным вариантом перевода лексико-фонетических архаизмов следует считать компенсацию.

3. Лексико-словообразовательные архаизмы – слова, отличающиеся от современного синонима каким-либо словообразовательным аффиксом (чаще всего суффиксом): *дружество* (дружба), *кофей* (кофе), *содействие* (содействие), *счастье* (счастье), *следственно* (следовательно) и т.п.

Они придают тексту перевода легкий налет старины и вполне понятны читателю, поэтому «переводчик может широко привлекать лексико-словообразовательные архаизмы взамен иных средств архаизации» [Мешалкина, 2008: 99-100].

4. Грамматические архаизмы – слова, грамматическая форма которых в современном русском языке образуется по-другому: *на бале* (на балу), *исполнити* (исполнить), *равною* (равной), *руссаго* (русского) и пр.

Русский язык дает большие возможности для передачи этой группы архаизмов. В переводе допустимо использовать нетипичные для современного русского языка падежные формы (*наследник имению*) и архаичные формы управления (*ругаться над кем-то*). Оттенок старины придает многократный вид глаголов и причастий (*читывать, хаживавший*).

При этом переводчика следует предостеречь от использования таких устаревших форм, как, например, формы глаголов *есмы, еси*

(быть), *даждь* (дай), которые буду недоступны для понимания современного читателя.

5. Семантические архаизмы – это слова, которые устарели в одном из своих значений, но сохраняются в современном русском языке в другом значении: *вор* (изменник, злодей), *оказывать* (показывать), *сообразный* (имеющий смысл, разумный), *живот* (жизнь), *сообразение* (обдумывание и сопоставление чего-либо).

В связи с тем, что языки развиваются по-разному, маловероятно наличие в языке перевода семантического архаизма того же значения, что и в языке подлинника. Следовательно, при переводе эти единицы оригинала приходится заменять на архаизмы иного рода или на нейтральные средства.

Семантические архаизирующие средства следует использовать в переводе с осторожностью, так как, в случае если архаизм будет не до конца понятен читателю, у него может создаться неправильное представление о событиях оригинала.

Практические советы по стилизации, которые будут полезны в переводе, могут дать писатели-стилизаторы. Некоторые из них мы почерпнули из статьи «Стилизация русского языка в исторических остросюжетных произведениях», представленной в рамках петербургского конкурса «Фанткритик».

Как при написании произведения, повествующего о событиях другой эпохи, так и при переводе устаревшего текста невозможно обойтись без архаизмов, отбор которых следует осуществлять тщательно. Они должны быть понятны современному читателю, в противном случае в перевод придется вводить сноски, а их изобилие не приветствуется. Также в переводе должны отсутствовать архаизмы с русским национальным колоритом, анахронизмы и неологизмы; стилистическая окраска слов не должна контрастировать друг с другом.

Особое внимание следует обращать на терминологию. Так, например, слово «авиация» вошло в русский язык ближе к Первой мировой войне, а до

этого были распространены «воздухоплавание» и «воздухолетательный аппарат».

Для отбора средств стилизации можно воспользоваться методом известного русского переводчика Н.М. Любимова. Он рекомендует переводчикам завести записную книжку, чтобы выписывать туда свежие обороты, найденные в произведениях отечественных писателей. Благодаря записной книжке переводчик сможет выбрать точные средства для передачи языкового богатства подлинника, он всегда будет иметь под рукой ряд синонимов, среди которых удастся найти подходящее слово. Синонимические ряды самого мастера художественного перевода по словарному составу можно найти в труде «Перевод – искусство». В этой книге Н.М. Любимов объясняет, что для того чтобы настроиться на правильный лад при переводе старых произведений, нужно поучиться у русских писателей того времени: «мы можем и должны вбирать в себя языковую атмосферу того или иного автора, той или иной эпохи» [Любимов Н.М., 1982: 69].

Нельзя не упомянуть о русской дореформенной орфографии. Переводчики не используют её, так как непривычные ять (ѣ), и десятиричное (і) и твердые знаки на конце слов затрудняют восприятие текста неподготовленным читателем.

Очень важно, чтобы у современного читателя не возникало сомнения в грамотности автора (именно автора, а не переводчика, ведь к переводу часто относятся как к полноценной замене оригинала). Следовательно, несмотря на то что в XIX веке во многих иноязычных словах сохранялось удвоение согласных (литтература, офицер), использовать их в переводе недопустимо.

Помимо лексической составляющей, на которой переводчики чаще всего концентрируют основное внимание, важную роль играет синтаксис. Только в случае использования переводчиком средств стилизации разных уровней языка может быть достигнута целостная стилизация.

«Самыми распространенными средствами синтаксической архаизации являются: на уровне словосочетания – использование местоимения в

постпозиции по отношению к существительному (*рука твоя, отец мой*), на уровне предложения – инверсия в группе подлежащего-сказуемого, типа: *отвечала она ему, грозили ему силою*» [Мешалкина Е.Н., 2008: 105].

Помимо этого допустима постановка местоимения между существительным и относящимся к нему прилагательным вместо современного мест.+прил.+сущ. (*в горящей его голове*).

Также излюбленным приемом является инверсия частей составного именного сказуемого (*предложен был бой*).

Синтаксическая стилизация не исчерпывается порядком слов. Для отражения временной дистанции также характерно употребление причастных и деепричастных оборотов вместо придаточных предложений, кратких прилагательных в сказуемом вместо полных (*вечер тих*) и безличных форм глаголов *велено, должно* вместо *вы должны*.

При глаголах со значением *думать* вместо придаточного предложения допустимо использовать инфинитив (*Я полагала вас далеко от Москвы*).

В придаточном предложении на первое место можно выносить союз или союзное слово, а не существительное (*книга, коей содержание любопытно*).

Итак, стилизация должна быть целостной, то есть осуществляться на всех уровнях языка. При этом переводчик должен знать чувство меры, ведь, если увлечься архаизацией, текст может приобрести пародийный оттенок и стать неудобочитаемым.

Выводы:

1. Исходя из интересов данного исследования мы будем использовать определение стилизации, данное отечественным лингвистом В.С. Виноградовым: «Переводческая языковая архаизация или темпоральная (временная) языковая стилизация — это сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым» [Виноградов В.С.,

2004: 144]. В нем подчеркивается необходимость найти языковые средства, благодаря которым будет передан исторический колорит произведения, но при этом оно останется доступным для понимания широкого круга читателей.

2. В теории перевода существует три основных подхода к стилизации: радикальная архаизация, радикальная модернизация и умеренная модернизация. В настоящее время большинство отечественных и зарубежных переводоведов сходятся во мнении, что самым удачным подходом при передаче временной дистанции является умеренная модернизация (компромисс между архаизацией и модернизацией).

3. Для создания эффекта правдоподобия при стилизации недостаточно пользоваться лишь лексическими средствами. Стилизация должна быть целостной, то есть осуществляться на всех уровнях языка.

4. Переводоведами незаслуженно упущена тема уменьшения или возрастания степени архаизации при переводе текстов ушедшей эпохи нашими современниками по сравнению с переводами современников автора. Попытка разобраться в данном вопросе предпринимается во второй главе.

2. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ

В данной главе мы намерены проанализировать переводы произведений XIX века, сделанные сразу после написания оригиналов и в более поздний период, и определить, в каком случае степень архаизации выше.

Для анализа мы отобрали два произведения: роман Уильяма Мейкписа Теккерея “Vanity Fair” и рассказ Эдгара Аллана По “The Fall of the House of Usher”. Они оба написаны в XIX в., и существует несколько их переводов, сделанных в разные годы. Все переводчики в большей или меньшей мере придают тексту архаическую окраску. К тому же более поздние переводы выполнены или переработаны представителями и последователями кашкинской школы, наиболее авторитетной и плодотворной школы художественного перевода в нашей стране. Эти материалы видятся нам подходящими для объективного и убедительного анализа.

Начнем с произведения Уильяма Мейкписа Теккерея “Vanity Fair”, изданного в 1848 году. Считается, что первый перевод на русский язык был выполнен И.И. Введенским и выходил в 1850 году в «Отечественных записках» под названием «Базар житейской суеты». В это же время издавался анонимный перевод в «Современнике» под названием «Ярмарка тщеславия. Роман без героя». В 1902 году появляется перевод Л. Гей под названием «Ярмарка житейской суеты». Наконец, в 1933 году выходит перевод М.А. Дьяконова. Именно его до сих пор продолжают переиздавать, хотя с 1953 года с многочисленными поправками Р. Гальпериной и М. Лорие.

В тексте оригинала современный читатель встречает устаревшие языковые средства и языковые конструкции. Среди них устаревшее управление глагола (*we interested about* (с.18)), архаичная формула *you/he/she who + глагол* (*You who are so clever an artist* (с.23)), существительное, стоящее после *many* в ед.ч. с неопределенным артиклем (*many a tradesman had she coaxed* (с.11)), устаревшая форма прошедшего времени глагола *sit* (*sate*, с.11), порядок слов в словах автора (“*Capital,*” *said he* (с.18)), личное местоимение вместо притяжательного и вариант сравнительной степени прилагательного

far, который в настоящее время употребляется только если речь идет о расстоянии (*Miss Sedley declined to bear **him company any farther** (с.25)*). Переводчики не могли не отметить этого. Вопрос состоит лишь в том, попытались ли они привнести в текст перевода налет старины.

Наша задача состоит в том, чтобы определить, какой же перевод архаичнее: один из выполненных в середине XIX века, сделанный в начале XX века или же увидевший свет спустя столетие, в середине XX.

Переводов XIX века у нас два. О переводчике «Базара житейской суеты» известно немало. И.И. Введенский познакомил русских читателей с такими авторами, как Ч. Диккенс, У. Теккерей, Ш. Бронте. Его переводы пользовались у современников огромной популярностью, ведь они будто бы передавали дух автора. Отношение к его переводам неоднозначное. Стоит признать, что то, что было принято в переводе сто лет назад, в настоящее время считается недопустимым.

К.И. Чуковский в «Высоком искусстве» пишет о том, что в переводах Введенского много ошибок, опущений и добавлений. «Если Диккенс говорит: «она заплакала», Введенский считает своим долгом сказать: «слезы показались на прелестных глазах милой малютки» [Чуковский К.И., 2006: 303]. Действительно, Введенский нередко переделывал оригинал по своему вкусу, но, во-первых, это было естественно для того времени, а во-вторых, он делал это настолько талантливо, что даже заслужил похвалу от Чуковского за вольное отношение к подлиннику. «Конечно, отсебятина – недопустимая вещь, но иные отсебятины Введенского до такой степени гармонируют с текстом, что их жалко вычеркивать» [там же, стр.306]. Итак, И.И. Введенский при переводе не всегда ориентировался на оригинал; важнее было почувствовать автора и передать мысль. Вот как он сам отзывается о своих принципах перевода: «...при художественном воссоздании писателя даровитый переводчик прежде и главнее всего обращает внимание на дух этого писателя, сущность его идей, и потом на соответствующий образ выражения этих идей» [Левин Ю.Д., 1985:126].

Как мы уже говорили, «Базар житейской суеты» перевел И.И. Введенский, а кто перевел произведение “Vanity Fair” для журнала «Современник» – неизвестно. В статье, которая явилась ответом на критическую статью А.В. Дружинина по поводу перевода «Базар житейской суеты», И.И. Введенский предположил, что «„Ярмарку тщеславия” переводили для «Современника» не один, а несколько переводчиков» [Введенский И.И., 1851: эл. ресурс]. На такой вывод переводчика натолкнули очевидные противоречия в разных отрывках. «Так, одна и та же особа, именно мисс Клепп (Clapp), приятельница и поверенный друг Амалии Осборн, в одном месте «Ярмарки Тщеславия» названа *служанкою* мистрисс Клепп, в другом (и это правильно) *дочерью* мистрисс Клепп» [там же].

Кто бы ни переводил «Ярмарку тщеславия» для «Современника», ясно одно: этот перевод, как и перевод Введенского, отличается опущением целых предложений. Так, например, в обоих переводах исчезает фраза “Torture in a public school is as much licensed as the knout in Russia” (с.30). Думается, причина опущения ясна. Позднее М.А. Дьяконов переведет фразу так: «Мучительство в школах так же узаконено, как и кнут в России» (М.А. Дьяконов, с.59); причем отметим, что слово *мучительство* является лексико-словообразовательным архаизмом и в словаре Ефремовой имеет помету *устаревшее*.

Как мы видим, опущения и добавления при переводе свойственны XIX веку, однако они не мешают нашему исследованию.

Итак, попытаемся доказать или опровергнуть гипотезу о возрастании степени архаизации. Для этого рассмотрим следующие примеры.

Not that the parting speech caused Amelia to philosophize, or that it armed her in any way with a calmness, the result of argument; but it was intolerably dull, pompous, and tedious; and having the fear of her schoolmistress greatly before her eyes, Miss Sedley did not venture, in her presence, to give way to any ebullitions of private grief. (с.8)

Речь была до крайности скудна, фигуральна,	Не думаю, чтобы результат прощальной речи заставил	Сказать по правде, прощальная речь вовсе не навела	Нельзя сказать, чтобы это прощальное слово побудило
--	--	--	---

<p>нелепа и дика и несколько не успокоила и не ободрила бедную Амелию, которая не менее других воспитанниц, понимала с удовлетворительною ясностью, что в присутствии мисс Пинкертон отнюдь не должно давать простора излишнему личному горя. (И.И. Введенский, с.7)</p>	<p>Амелию философствовать, или вооружил ее спокойствием, скажу только, что речь была чрезвычайно напыщенная и скучная; страшась еще, по привычке, присутствия наставницы, мисс Седли не смела предаться своей собственной печали. («Современник», с.7)</p>	<p>Амелию на какие-нибудь философские размышления, и не успокоила ее нервов, а была нестерпимо скучна, напыщена и тягуча, но трепеща перед своей начальницей мисс Седли не решилась в ее присутствии дать волю порывам личного горя. (Л. Гей, с.7)</p>	<p>Эмилию к философским размышлениям или же вооружило ее тем спокойствием, которое осеняет нас в результате глубокомысленных доводов. Нет, речь эта была невыносимо скучна, напыщенна и суха, да и самый вид грозной воспитательницы не располагал к бурным проявлениям печали. (М.А. Дьяконов, с.13)</p>
---	---	---	---

Как мы видим, самый поздний перевод несколько не уступает предшествующим по количеству использованных средств для передачи колорита ушедшей эпохи. Здесь встречается и постпозиция местоимения, и краткие прилагательные, и определительное местоимений *самый* вместо *сам*. Фраза *нельзя сказать, чтобы* хоть и не является устаревшей, но, согласно Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), частотность ее употребления в XIX веке была значительно выше.

Однако, при этом нельзя заключить, что перевод Дьяконова получился более архаичным, ведь у И.И. Введенского использован не меньший арсенал средств: краткая форма прилагательных, устаревшее модальное безлично-предикативное слово *должно* в значении *нужно*, устаревший вариант окончания прилагательного *-ою*.

В «Современнике» видим характерное для XIX века *не думаю, чтобы*, глагол *страшиться* (*бояться* не полностью вытеснил его, но значительно преобладает) и *не сметь* + *инфинитив* в изъявительном наклонении, что свойственно начала и середине XIX века.

Перевод Л. Гей не отличается обилием устаревших средств, но и в нем можно отметить краткую форму прилагательных.

She was small and slight in person; pale, sandy-haired, and with eyes habitually cast down... (с.11)			
Ребекка была низка ростом, худощава, бледна, с волосами золотистого цвета и с глазами, почти постоянно опущенными в землю... (И.И. Введенский, с.13)	Она была не высока и легка, бледна, с волосами песочного цвета и глазами, обыкновенно опущенными вниз... («Современник», с.11)	Она была мала ростом, хрупка, бледна и с рыжеватыми волосами; глаза она держала большею частью опущенными... (Л. Гей, с.12)	Ребекка была маленькая, хрупкая, бледная, с рыжеватыми волосами; её глаза были обычно опущены долу ... (М.А. Дьяконов, с.19)

В первых трех переводах использована краткая форма прилагательных. К тому же в «Современнике» встречается наречие *обыкновенно*, которое в настоящее время почти вытеснено наречием *обычно*, а в переводе Л. Гей устаревший вариант окончания прилагательного *большею*.

В переводе М.А. Дьяконова присутствует лишь одно лексическое средство. При этом одного явного архаизма *долу* достаточно, чтобы он казался не менее архаичным, чем предыдущие переводы.

The superb Cuff himself... helped him on with his Latin verses; "coached" him in play-hours (с.32)			
Сам м-р Кофф... помогал ему доискиваться смысла в латинских стихах,	Величавый Кофф ... помогал ему в составлении латинских фраз; доставлял ему	Сам великолепный Кефф... помогал ему в латинских стихах;	Сам великолепный Каф... помогал ему в разборе латинских

объясняя состав иероглифического синтаксиса в рекреационные часы (И.И. Введенский, с.53)	лучшие удовольствия в рекреационные часы («Современник», с.38)	репетировал его в часы игр (Л. Гей, с.52)	стихов, репетировал его после занятий (М.А. Дьяконов, с.63)
---	---	--	--

В более ранних переводах дистанция времени ощущается за счет прилагательного *рекреационный*, которое в словаре Ушакова имеет пометы *школьн., устар.*

В двух последних переводах в устаревшем значении употреблен глагол *репетировать*. Из того же словаря узнаем, что *репетировать кого-то* – помогать неуспевающему ученику.

Хотя архаизация проявляется в разных частях фразы, ее глубина во всех четырех переводах примерно одинакова.

Rebecca sang far better than her friend... and exerted herself to the utmost, and, indeed, to the wonder of Amelia, who had never known her perform so well.			
У И.И. Введенского данная фраза в переводе отсутствует. (с.40)	Ребекка... пела превосходнее своей подруги и управляла голосом так искусно, что Амелия, не замечавшая в ней прежде этого таланта, очень удивилась. («Современник», с.29)	Ребекка пела гораздо лучше своей подруги... а в данном случае приложила все старания, к удивлению самой Амелии, которая еще никогда не слыхивала от нее такого хорошего исполнения. (Л. Гей, с.39)	Ребекка пела гораздо лучше подруги... а на этот раз она превзошла самое себя , и по правде говоря, изумила Эмилию, которая не знала за ней таких талантов. (М.А. Дьяконов, с.48)

В трех переводах тем или иным способом передан дух эпохи. В «Современнике» таким средством является прилагательное в сравнительной степени *превосходнее* в значении *лучше*, которое по НКРЯ встречается в художественной литературе XIX–начале XX века.

Л. Гей прибегает к многократному виду глагола *слышать*, что широко распространено в XIX веке.

М.А. Дьяконов использует устаревшую форму Вин. п. определительного местоимения *сама* (*самое себя* вместо *саму себя*). К тому же, некую архаичность в перевод привносит употребление глагола *знать* с предлогом *за*: *не знать за кем-то* – не знать, что кому-то что-то свойственно.

And as if all things conspired in favour of the gentle Rebecca, the very elements... interposed to aid her (с.22)			
Самые стихии природы, по-видимому, работали с нею заодно (И.И. Введенский, с.35)	Даже самые стихии природы, по-видимому, предлагали ей свои услуги («Современник», с.25)	Все как будто сговорилось способствовать милой Ребекке, даже самые стихии (Л. Гей, с.34)	И словно все сговорилось благоприятствовать милой Ребекке, даже самые стихии не остались в стороне (М.А. Дьяконов, с.43)

Случается, что во всех четырех переводах мы обнаруживаем один и тот же вариант. В то раз переводчики склонились к использованию устаревшей формы *самые* вместо *сами*.

...while she was dressing for dinner, and after she had asked Amelia whether her brother was very rich, she had built for herself a most magnificent castle in the air, of which she was mistress...(с.16)			
...мисс Ребекка Шарп, одеваясь к обеду и, расспрашивая Амелию о разных разностях относительно ее брата, построила в своей фантазии на собственный счет великолепный	...одеваясь и имея в виду слова Амелии, что брат ее богат и не женат, построила великолепный воздушный замок, которого владельнице	...пока она одевалась к обеду, и после того как расспрашивала Амелию—очень ли богат ее брат, она соорудила в своей фантазии великолепный воздушный замок, сделалась	...узнав у Эмилии, что ее брат очень богат, Ребекка, одеваясь к обеду, уже строила мысленно великолепнейшие воздушные замки, коих сама она была повелительницей

воздушный замок... (И.И. Введенский, с.23)	ю была сама («Современник», с.17)	его обладательницей (Л. Гей, с.22)	(М.А. Дьяконов, с.30)
--	--	------------------------------------	-----------------------

На данном примере видно, что в переводе М.А. Дьяконова определительное придаточное предложение присоединяется к главной части не с помощью союзного слова *который*, а с помощью устаревшего *кой*, благодаря чему предложение перестает звучать современно.

И все же перевод в «Современнике» выглядит еще более архаично. В придаточном предложении на первом месте расположено союзное слово *который*, а не существительное (замок, которого владельницейю была). Кроме того, выбор переводчика пал на слово *владельница* (в настоящее время устарело, вытеснено словом *владелица*).

Несмотря на то, что в более позднем переводе предпочтение отдается архаичному союзному слову, степень архаизации одного из более ранних переводов все равно выше.

Безусловно, порой встречаются случаи, когда переводчики XX века прибегают к более архаичным вариантам. Так для перевода *female parent* (с.10) переводчики XIX века выбрали слово *мать* (Введенский, с.13), («Современник», с.10), а в более поздних переводах мы видим устаревшее *родительница* (Л. Гей, с.12), (Дьяконов, с.18).

Однако это частные примеры, которые необходимо выискивать. В большинстве случаев более ранние переводы все же оказываются более архаичными.

...if you like better, get me a good place as governess in a nobleman's family...(с.13)			
А всего лучше вы сделаете, мисс Пинкертон, если приищите мне место гувернантки.	Или, пожалуй, если хотите, достаньте мне место гувернантки в благородном	Или еще лучше, приищите мне хорошее место гувернантки в аристократическом доме (Л. Гей, с.16)	Или, еще лучше, устройте мне место гувернантки в дворянском

(И.И. Введенский, с.17)	семействе («Современник», с. 13)		семействе (М.А. Дьяконов, с.23)
-------------------------	----------------------------------	--	---------------------------------

На данном примере видно, что наибольшая глубина архаизации свойственна переводу И.И. Введенского. В первом переводе мы наблюдаем архаичность синтаксиса и лексики. По НКРЯ порядок слов *всего лучше* (превосходная степень прил.) вместе *лучше всего* больше характерен для употребления с конца XVIII века до 80-х годов XIX века. Слово *приискать* имеет помету *разг.*, однако есть в нем и какая-то архаичность. И действительно, в НКРЯ наибольшее число вхождений этого слова приходится именно на XIX век.

Слово *приискать* есть и в переводе Л. Гей, а вот М.А. Дьяконов оставляет перевод нейтральным.

...and the green eyes looked up to Heaven and filled with tears; and Mrs. Sedley could not but own that her daughter's friend had a charming kind heart of her own. (с.19)			
При этом глаза ее, орошенные слезами, устремились к небу, и м-с Седли благодарила судьбу, что дочь ее отыскала подругу с таким благородным сердцем. (И.И. Введенский, с.30)	...и зеленые глазки ее обратились к небу и покрылись слезой. Мистрисс Седли не сомневалась долее , что у подруги ее дочери такое же кроткое и доброе сердце, как и у Амелии. («Современник», с.21)	При этом зеленые глаза устремились на небо и наполнились слезами; м-с Седли не могла не сознаться, что у подруги ее дочери прекрасное, добрейшее сердечко (Л. Гей, с.28)	И зеленые глаза затуманились слезами и поднялись к небесам. Миссис Седли оставалось только удивляться, какое у подруги ее дочери любящее, нежное сердечко (М.А. Дьяконов, с.37)

Интересно наблюдать в обоих старых переводах с одним и том же месте постпозицию местоимения. У Введенского это явление встречается даже дважды в одном предложении. В анонимном переводе мы также видим

книжное наречие *далее*, которое делает текст более архаичным. Очевидно, что более поздние переводы уступают более ранним в глубине архаизации.

<p>“Hold out your other hand, sir,” roars Cuff to his little schoolfellow, whose face was distorted with pain.</p>			
<p>– Ну, теперь другую лапу, ревел Кофф, хорохорясь перед мальчишкой, которого лицо страшно корчилось от нестерпимой муки (И.И. Введенский, с.49).</p>	<p>– Протягивай другую! – кричал Кофф своему маленькому сотоварищу, лицо которого покрылось мертвою бледностью («Современник», с.35).</p>	<p>– Давай другую руку! – рычал Кёфф своему маленькому товарищу, у которого лицо исказилось от боли (Л. Гей, с.48).</p>	<p>– Давай другую руку! – рычал Каф на своего маленького школьного товарища, у которого все лицо перекошилось от боли (М.А. Дьяконов, с.58).</p>

Еще один пример того, что более ранние переводы оказываются более архаичными. В переводе Введенского это достигается благодаря тому, что в придаточном предложении союзное слово предшествует существительному, а в «Современнике» – благодаря использованию устаревшего окончания прилагательного *-ою* вместо *-ой*.

Помимо вышеперечисленных средств в более старых переводах, в отличие от более современных, неоднократно встречается устаревшее управление глаголов: *что касается до мисс Ребекки* (И.И. Введенский, с.12); *содействовало к благополучию* (И.И. Введенский, с.35); *считались за величайшую дерзость* («Современник», с.10); *ты писала к нему* («Современник», с.24); *это не относилось до Джоза и Ребекки* («Современник», с.44).

Для того чтобы окончательно разобраться, какие же переводы архаичнее, приведем статистику использования в четырех переводах тех или иных средств, передающих колорит эпохи (по главам 2-5). Мы понимаем, что не все поддается подсчету и есть более тонкие способы создания исторического колорита, однако для иллюстрации частотности использования

тех или иных средств архаизации в данном случае статистический метод оказывается наиболее показательным.

А) Собственно лексические архаизмы:

- 10 у И.И. Введенского (*пепиньерка*, т.е. девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная при нем для педагогической практики (с.13); *потчевать*, т.е. угощать (с.15); *водвориться*, т.е. поселиться (с.15); *сряду*, т.е. подряд (с.17); *подле камина* (с.20); *первостатейный*, т.е. превосходный (с.25); *величать*, т.е. перевозносить (с.30); *воротиться*, т.е. вернуться (с.30); *отворотить головку*, т.е. отвернуть (с.37); *при сем*, т.е. при этом (с.72));
- 6 в «Современнике» (*подле* (с.13); *извольте спускаться*, для выражения наставления (с.16); *ежели*, т.е. если (с.23); *воротиться* (с.39); *до сей поры* (с.41); *приволокнуться*, т.е. начать ухаживать (с.49));
- 8 у Л. Гей (*пепиньерка* (с.15); *вопрошать*, т.е. спрашивать (с.15); *сызнова*, т.е. снова (с.17); *закаяться хвалить*, т.е. дать обещание не делать этого (с.27); *втуне*, т.е. без результата (с.27); *во всем околотке*, т.е. во всей окрестности (с.34); *засим*, т.е. затем (с.44); *из робких уст* (с.59));
- 10 у М.А. Дьяконова (*долу*, т.е. вниз (с.19); *созерцать ковер*, т.е. рассматривать (с.28); *на сей раз* (с.35); *дотоле*, т.е. до тех пор (с.48); *соблаговолить прослушать*, т.е. изъявить желание (с.49); *потчевать* (с.67); *во всем околотке* (с.73); *из робких уст* (с.74); *благодушествовать*, т.е. проводить время без дела и забот (с.77); *сулить*, т.е. обещать (с.78)).

Б) Лексико-словообразовательные архаизмы:

- 12 у И.И. Введенского (*испрашивая помилования*, т.е. получить по просьбе (с.11); *достопамятная борьба*, т.е. памятная (с.17); *папенька* (с.21); *покамест*, т.е. пока (с.22); *знакомец*, т.е. знакомый человек (с.25); *вседневные труды*, т.е. ежедневные (с.25); *надобно*, т.е. нужно (с.26); *надобность*, т.е. потребность (с.31); *приискать*, т.е. найти подходящее (с.34); *ослушник*, т.е. поступивший своевольно (с.48); *одолжен всеми благами*, т.е. обязан (с.53); *наперед*, т.е. спереди (с.60));

- 7 в «Современнике» (*надобно* (с.13); *в бытность*, т.е. во время пребывания (с.14); *владельница*, т.е. владелица (с.17); *удовольствоваться*, т.е. довольствоваться (с.20); *долее*, т.е. дольше (с.21); *поболее*, т.е. больше (с.30); *знакомец* (с.47));

- 8 у Л. Гей (*отобедать*, т.е. пообедать (с.21); *родительница* (с.22); *изукрасить свою особу*, т.е. придать нарядный вид (с.24); *товарка*, т.е. ж.р. от товарищ (с.29); *достопамятные дни* (с.55); *удовольствоваться* (с.57); *препроводить*, т.е. отвести (с.64); *поутру*, т.е. утром (с.67));

- 11 у М.А. Дьяконова (*знакомец* (с.15); *возблагодарить Бога*, т.е. тожественно принести благодарность (с.17); *преуспевание*, т.е. большой успех (с.18); *отобедать* (с.29); *уловление женихов*, т.е. привлечение (с.29); *препоручить*, т.е. поручить, доверить (с.29); *маменька* (с.29); *ответствовать*, т.е. отвечать (с.59); *достодолжным образом*, т.е. следуемым по заслугам (с.61); *насупротив*, т.е. напротив (с.69); *возлюбить* (с.86)).

В) Семантические архаизмы:

- 3 у И.И. Введенского (*в половине июня*, т.е. середине (с.21); *нанять квартиру*, т.е. снять (с.24); *вперед*, т.е. впредь (с.31));

- 6 в «Современнике» (*обыкновенно спрашивали*, т.е. обычно (с.11); *половина июля* (с.14); *нанял квартиру* (с.17); *страдание печени*, т.е. болезнь (с.18); *вперед*, т.е. впредь (с.23); *отказаться от дома*, т.е. перестать принимать (с.25)); *в половине июня* (с.20));

- 1 у Л. Гей (*в половине июня* (с.20));

- 2 у М.А. Дьяконова (*заполонить Джозефа*, т.е. подчинить своему обаянию (с.32); *вперед*, т.е. впредь (с.39)).

Г) Грамматические архаизмы:

Использование устаревшего варианта окончания *-ою* вместо *-ой* в существительных, прилагательных и местоимениях ж.р. ед.ч.:

- 48 раз у И.И. Введенского (*с розгою в руках* (с.10); *добродушною улыбкой* (с.12); *разговаривала с нею* (с.15) и др.);

- 40 раз в «Современнике» (*произнесенные Ребеккою* (с.10); *ни кроткою, ни дружелюбною* (с.10); *едва владевшей собою* (с.12) и др.);
- 11 раз у Л.Гей (*с большою склонностью влезать в долги* (с.11); *провести вечер со мною* (с.15); *с мольбою* (с.43) и др.);
- 11 раз у М.А. Дьяконова (*разыгрывала с нею целые сцены* (с.20); *местности, известной охотою на бекасов* (с. 31); *расстаться с тобою* (с.45) и др.).

Устаревшие падежные формы имен существительных:

- 8 раз в «Современнике» (*выбежит из дому* (с.9); *поносил...своих собратов* (с.10); *испытывать отчаянную муку от каенского перцу* (с.19); *недоставало лимонного соку* (с.22); *отказать от дому* (с.25); *находился в большой опасности...от сильного страху* (с.28); *чашку пуншу* (с.46); *проводил...до дому* (с.47).
- 8 раз у Л. Гей (*стольких-то фунтов чаю, ... сахару* (с.44); *не давали покою* (с.44); *продажа товару в розницу* (с.44); *приезжали из дому* (с.45); *взять пинту ромового пуншу* (с.47); *сбить со следу* (с.47); *из дому* (с.51); *подали пуншу* (с.62)).
- 2 раза у М.А. Дьяконова (*поносил своих собратий* (с.18); *приобрести пинту лимонаду с ромом* (с.58)).

Любопытно, что И.И. Введенский использует современные формы (*под гостеприимную кровлю родительского дома* (с.18); *ее соблазнил цвет стручкового перца* (с.27); *купил в долг бутылку ананасового пунша* (с.49)).

Употребление определительного местоимения *самый* вместо современного *сам*:

- 1 раз у И.И. Введенского (*самые стихии природы* (с.35));
- 1 раз в «Современнике» (*даже самые стихии природы* (с.25));
- 1 раз у Л. Гей (*даже самые стихии* (с.34));
- 4 раза у М.А. Дьяконова (*карикатуру на самое себя* (с.20); *самый процесс еды* (с.34); *даже самые стихии не остались в стороне* (с.43); *она превзошла самое себя* (с.48)).

Перейдем к синтаксису.

Постпозиция местоимения по отношению к существительному:

- 34 раза у И.И. Введенского (*предки ее* (с.13); *в голове ее* (с.16); *глаза ее* (с.18) и др.);
- 50 раз в «Современнике» (*глаза мои* (с.9); *нос ее* (с.9); *дочь ее* (с.10) и др.);
- 22 раза у Л. Гей (*семья ее* (с.12); *дочь ее* (с.12); *мать ее* (с.12) и др.);
- 16 раз у М.А. Дьяконов (*дочь ее* (с.18); *отец ее* (с.21); *взор ее* (с.28) и др.

Местоимение между существительным и относящимся к нему прилагательным:

- 12 раз у И.И. Введенского (*к величайшему ее изумлению* (с.16); *умильные ее глазки* (с.21); *черный его слуга* (с.25) и др.);
- 7 раз в «Современнике» (*одним из отчаянных ее взглядов* (с.11); *милую мою Амелию* (с.24); *от страшных твоих колотушек* (с.26) и др.);
- 2 раза у Л. Гей (*милой нашей Ребекке* (с.30); *к ужасу первоначального ее исполнителя* (с.66));
- 5 раз у М.А. Дьяконова (*строгая его чинность* (с.21); *отборнейших своих индийских анекдотов* (с.43); *одну из красноречивых своих речей* (с.47) и др.).

Инверсия подлежащего и сказуемого:

- 14 раз у И.И. Введенского (*целых два года болтала я без умолка* (с.11); *нередко разговаривала она* (с.14); *с какую ловкостью извинялась она перед горничной* (с.30) и др.);
- 7 раз в «Современнике» (*имел он обыкновение* (с.10); *прежде чем примет она на себя обязанность гувернантки* (с.13); *очень кстати напомнила она брату* (с.23) и др.);
- 1 раз у Л. Гей (*смирненно шел он позади всех* (с.59));
- 2 раза у М.А. Дьяконова (*с убийственной грацией бросился он отворять двери* (с.68); *собралась она к отъезду* (с.86)).

Инверсия частей составного именного сказуемого:

- 11 раз у И.И. Введенского (*мисс Седли... поражена была ужасом* (с.10); *ей предоставлено было право* (с.13); *слеза готова была навернуться на глазах* (с.71) и др.);

- 10 в «Современнике» (*Минерва принуждена была сдаться* (с.12); *столит покрыт был* (с.18); *первый приступ сделан был* (с.18) и др.);
- 2 раза у Л. Гей (*молодые люди принуждены были остаться дома* (с.34); *когда тому предложен был бой* (с.48));
- 2 раза у М.А. Дьяконова (*Минерва вынуждена была уступить* (с.22); *она очень рада была* (с.72)).

За редким исключением, степень архаичности в более ранних переводах преобладает над степенью архаичности в более поздних на разных уровнях языка. В данном случае гипотеза была опровергнута, однако, не будем делать поспешных выводов и продолжим исследование.

Далее в качестве объекта анализа мы выбрали переводы рассказа Эдгара Аллана По “The Fall of the House of Usher”, впервые опубликованного в 1839 году. В нем рассказчик получает письмо от друга юности Роджера Ашера, приезжает в его дом и застаёт его в состоянии необъяснимого страха. Он пытается помочь другу справиться с ничем необоснованным волнением, однако, безуспешно.

В 1895 году вышел перевод К.Д. Бальмонта под названием «Падение дома Эшер», а почти спустя век, в 1972 году, перевод Норы Галь под названием «Падение дома Ашеро́в».

Не возникает никаких сомнений, что оригиналу присуща некая архаичность. В оригинале много книжных слов (*insufferable* (с.4), *sojourn* (с.6), *throng* (с.19), *pertinacity* (с.19), *miasma* (с.26)) и устаревших (*sire* в значении *father* (с.7); *whence* в значении *from what place* (с.13)).

На уровне синтаксиса отметим формирование отрицания без использования вспомогательного глагола (*I know not how it was* (с.4); *our glances... rested not long* (с.22); *sleep came not near my couch* (с.24)) и порядок слов, нехарактерный для современного языка (*the once occasional huskiness of his tone was heard no more* (с.23); *suddenly there shot along the path a wild light* (с.31)). Отдельно отметим устаревшее место наречия времени в предложении

(*His reserve had been **always** excessive and habitual (с.6); of which I have **before** spoken (с.32).*)

В отрывках, где рассказчик читает старинный роман вымышленного автора Сэра Ланселота Каннинга, встречается много устаревших слов (*parley (с.27), horrid (с.28)*), а также устаревшая форма прошедшего времени глагола *sit (sate (с.28))*.

Итак, мы видим, что текст оригинала имеет архаичные особенности. Будут ли они переданы в переводах? Какова будет глубина архаизации?

Если сравнить переводы К.Д. Бальмонта и Норы Галь, становится очевидно, что степень архаизации в более позднем переводе выше. Рассмотрим на примерах.

There was an iciness, a sinking, a sickening of the heart — an unredeemed dreariness of thought which no goading of the imagination could torture into aught of the sublime. (с.5)	
Сердце мое наполнил ледящий холод, томила тоска, мысль цепенела, и напрасно воображение пыталось ее подхлестнуть – она бессильна была настроиться на лад более возвышенный . (Нора Галь, с.257)	Сердце замерло, упало, сжалось холодной болью – и фантазия, бессильная осветить мысль, не могла перебросить ни к чему возвышенному непобедимую печаль. (К.Д. Бальмонт, с.138)

У Норы Галь встречается постпозиция местоимения по отношению к существительному (*сердце мое*), постпозиция прилагательного по отношению к существительному (*лад более возвышенный*), а также инверсия в составном именном сказуемом, то есть связка расположена после именной части (*бессильна была*). В этом же предложении К.Д. Бальмонт ограничивается вариантом окончания *-ою* вместо *-ой* (*холодной болью*).

I had so worked upon my imagination as really to believe that about the whole mansion and domain there hung an atmosphere peculiar to themselves and their immediate vicinity... (с.8)	
Воображение мое до того разыгралось, что я уже всерьез верил, будто самый воздух над этим	Я совершенно явственно увидал – так настроил я свое воображение – что вокруг всего дома и поместья

домом, усадьбой и всей округой какой-то особенный... (Нора Галь, с.259)	нависла атмосфера, свойственная только им и всему, находившемуся в непосредственной близости от них... (К.Д. Бальмонт, с.140)
---	---

Нора Галь вновь прибегает к постпозиции местоимения по отношению к существительному (*воображение мое*), а также использует определительное местоимение *самый* в значении *сам*.

К.Д. Бальмонт использует ныне книжное наречие *явственно*. Несмотря на то что в словаре Ушакова при слове *увидать* имеется помета *разг.*, мы также проверили глагол по НКРЯ и обнаружили, что расцвет его употребления приходится на середину XIX – 40-е годы XX века.

...hair of a more than web-like softness and tenuity; these features, with an inordinate expansion above the regions of the temple, made up altogether a countenance not easily to be forgotten. (с.11)	
...волосы на диво мягкие и тонкие; черты эти дополнял необычайно большой и широкий лоб, – право же , такое лицо нелегко забыть. (Нора Галь, с.261)	...волосы нежней и тоньше, чем паутина; все эти черты, в соединении с необыкновенным развитием лба , придавали его лицу выражение, которое нелегко забыть. (К.Д. Бальмонт, с.142)

В очередной раз в переводе Норы Галь видим постпозицию местоимения по отношению к существительному (*черты эти*). В качестве средств архаизации также использовано сочетание *на диво* (в НКРЯ его наибольшее распространение датируется 1830-90 годами) и вводное слово *право же*.

У К.Д. Бальмонта к устаревшей лексике можно приписать словосочетание *развитие лба*. В настоящее время оно скорее встречается при научном описании человека и в криминалистических документах. (При этом словосочетание с типом связи «согласование», то есть *развитый лоб*, вполне современное и распространено в художественной литературе).

The disease of the lady Madeline had long baffled the skill of her physicians. (с.14)

Недуг леди Мэдилейн давно уже смущал и озадачивал искусных врачей, что пользовали ее. (Нора Галь, с.263)	Врачебное искусство уже давно было бессильно перед болезнью леди Мэдиляйн. (К.Д. Бальмонт, с.145)
---	---

В переводе Норы Галь в первую очередь бросается в глаза устаревшее слово *пользовать (кого-то)*. В словаре Ефремовой оно снабжено пометой *устар.* и имеет значение *лечить*. Кроме того, в данном случае определительное придаточное предложение присоединяется с помощью союзного слова *что*, а не *который*, что характерно для книжного языка.

I shall ever bear about me a memory of the many solemn hours I thus spent alone with the master of the House of Usher. (с.15)	
Навсегда останутся в моей памяти многие и многие сумрачные часы, что провел я наедине с владельцем дома Ашероу. (Нора Галь, с.264)	Мне будут вечно памятны те незабвенные часы, что я провел наедине с владельцем дома Эшер. (К.Д. Бальмонт, с.145)

В переводе Норы Галь вновь видим союзное слово *что*. Дополнительный эффект старины переводу придает вынос на первое место наречия времени (*навсегда*) и инверсия подлежащего и сказуемого (*провёл я*)

К.Д. Бальмонт также не преминул добавить во фразу перевода старины. По НКРЯ выражение *мне будет памятна/был памятен* встречается только в текстах XIX века. Придаточное предложение в его переводе, как и в более позднем, присоединено с помощью союзного слова *что*.

The verses, which were entitled "The Haunted Palace," ran very nearly, if not accurately, thus... (с.17)	
Песнь его называлась «Обитель привидений», и слова ее , может быть, не в точности, но приблизительно, были такие... (Нора Галь, с.265)	Стихи назывались «Заколдованный замок», и звучали приблизительно, или даже в точности, так... (К.Д. Бальмонт, с.147)

Еще раз наблюдаем излюбленный приём Норы Галь – постпозиция местоимения, на это раз дважды в одном предложении (*песнь его, слова ее*).

The vault in which we placed it was.... immediately beneath that portion of the building in which was my own sleeping apartment. (с.22)	
Подвал, где мы его поместили, расположен был глубоко под землю, как раз под той частью дома, где находилась моя спальня. (Нора Галь, с.268)	Склеп был расположен очень глубоко и как раз под той частью здания, где находилась моя спальня. (К.Д. Бальмонт, с.151)

В переводе Норы Галь вновь видим инверсию в составном именном сказуемом (*расположен был*) и устаревшее окончание *-ею* вместо *-ей* (*под землю*).

There were times, indeed, when I thought his unceasingly agitated mind was laboring with some oppressive secret... (с.23)	
Порою мне чудилось даже, что смятенный ум его тяготит какая-то страшная тайна... (Нора Галь, с.269)	Были минуты, когда мне положительно казалось, что беспрерывно возбужденный ум больного был угнетен какой-то мучительной тайной... (К.Д. Бальмонт, с.152)

Устаревшее окончание существительного ж.р. ед.ч. *-ою* вместо *-ой* (*порою*) в сочетании постпозицией местоимения по отношению к существительному и относящемуся к нему прилагательному (*смятенный ум его*) прекрасно передает архаичность в переводе Норы Галь.

Sleep came not near my couch — while the hours waned and waned away. (с.24)	
Томительно тянулся час за часом, а сон упорно бежал моей постели. (Нора Галь, с.269)	Бежали мгновенья, уходили часы — а сна все не было. (К.Д. Бальмонт, с.152))

Для перевода этого предложения Нора Галь выбрала устаревшее управление глагола. По словарю Ушакова *бежать чего-либо* имеет значение «избежать (избегать), удалиться (удаляться) от чего-н. (поэт. устар.)». Ее постели сон бежит (несов.). Пушкин».

While I gazed, this fissure rapidly widened — there came a fierce breath of the whirlwind — the entire orb of the satellite burst at once upon my sight... (с.32)	
---	--

Теперь, у меня на глазах, трещина эта быстро расширялась... налетел свирепый порыв урагана... и слепящий лик луны полностью явился предо мною... (Нора Галь, с.274)	Пока я глядел, эта расщелина быстро расширялась; смерч поднялся с новой силой; шар месяца весь целиком предстал моим глазам... (К.Д. Бальмонт, с.159)
---	---

Для архаизации перевода Нора Галь вновь использовала постпозицию местоимения (*трещина эта*), а также устаревший предлог и форму окончания на *-ою* вместо *-ой* (*предо мною*).

Во всех упомянутых выше примерах нетрудно заметить более глубокую степень архаизации в более позднем переводе. Однако рассмотрим еще один пример, который станет исключением из этого правила.

And Ethelred uplifted his mace, and struck upon the head of the dragon, which fell before him, and gave up his pesty breath, with a shriek so horrid and harsh, and withal so piercing, that Ethelred had fain to close his ears with his hands against the dreadful noise of it, the like whereof was never before heard. (с.28)	
И Этелред взмахнул палицею и ударил дракона по голове, и дракон пал пред ним, испустив свой зловонный дух вместе с воплем страшным и раздирающим , таким невыносимо пронзительным, что Этелред поневоле зажал уши, ибо никто еще не слышал звука столь ужасного (Нора Галь, с.272)	И взмахнул Эсельред своей палицей , и ударил дракона в голову, и тот упал перед ним, и испустил свой заразный дух, с криком таким страшным, и с таким пронзительным, что поневоле Эсельред закрыл себе уши руками, дабы предохранить себя от страшного шума, подобного которому он никогда не слышал». (К.Д. Бальмонт, с.157)

В отрывке, где рассказчик читает старинную книгу, К.Д. Бальмонт сделал язык не менее архаичным, чем Нора Галь. В обоих переводах присутствует инверсия и параллелизм, напоминающие язык былин. Есть устаревшие союзы (*ибо – дабы*). Несмотря на то что у Нора Галь также встречаются прилагательные в постпозиции, глубина стилизации в переводах сходная.

Итак, в обоих переводах неоднократно встречается устаревшая лексика и синтаксис. Попробуем привести статистику использования в обоих

переводах тех или иных средств для создания эффекта старины, чтобы результаты исследования были более убедительными.

Устаревший союз *ибо*:

- 4 раза у К.Д. Бальмонта (*ибо и другие высказывали то же* (с.149); *ибо я знал, что мне уж не уснуть* (с.152); *ибо в наивной и неуклюжей болтливости этого романа было весьма мало привлекательного для его высокого и идеального ума* (с.154); *ибо не было ни малейшего сомненья, что теперь я действительно слышал звук* (с.157));

- 8 раз у Норы Галь (*ибо это, конечно же, не могло быть ничем иным* (с.259); *ибо долгие годы ее не тревожило ни малейшее дуновение извне* (с.260); *ибо часто он сопровождал свои музыкальные экспромты стихами* (с.265); *ибо направление ветра то и дело резко менялось* (с.270); *ибо мне показалось; ибо злобный пустынный не явился его взору* (с.271); *ибо никто еще не слышал звука столь ужасного* (с.272); *ибо позади меня оставался лишь огромный дом* (с.274)).

Постпозиция притяжательных и указательных местоимений по отношению к существительному:

- 8 раз у К.Д. Бальмонта (*душа моя* (с.138), *в голове моей* (с.140); *глаза его* (с.144); *внимание мое* (с.152) и др.);

- 29 раз у Норы Галь (*чувство это* (с.257); *сердце мое* (с.257); *род его* (с.258); *трещина эта* (с.274) и др.).

Постпозиция прилагательного по отношению к существительному:

- 2 раза у К.Д. Бальмонта (*это было тайной неразрешимой* (с.138); *но трепет еще более настойчивый охватил меня* (с.139));

- 1 раз у Норы Галь (*лад более возвышенный* (с.257)).

Позиция местоимения между существительным и относящимся к нему прилагательным:

- 3 раза у К.Д. Бальмонта (*в полной его искренности* (с.142); *главной, наиболее заманчивой, его усладой* (с.150); *обычные его занятия* (с.151));

- 1 раз у Норы Галь (*изысканной и сумрачной его фантазией* (с.264)).

Использование устаревшего варианта окончания *-ою* вместо *-ой* в существительных, прилагательных и местоимениях ж.р. ед.ч.:

- 4 раза у К.Д. Бальмонта (*холодною* болью (с.138); *царь над волшебною* этой страной (с.148); *быстрой рекою* (с.148); *шумной толпою* (с.148));
- 17 раз у Норы Галь (*передо мною* предстал сумрачный дом (с.257); *мною...* овладело нестерпимое уныние (с.257); *этому виною* постоянные слабые и тщетные попытки (с.261); *обрели таинственную власть над душою* хозяина (с.263); *за сестрою* наконец затворилась дверь (с.263) и др.).

Употребление определительного местоимения *самый* вместо современного *сам*:

- 3 раза у К.Д. Бальмонта (*ускорило самое* возрастание (с.140); *действовали также самые* выражения (с.143); *самое* движение его тела исключало мысль о сне (с.158));
- 7 раз у Норы Галь (*и самый* дом (с.257); *самый* воздух (с.259); *самое* его телосложение (с.261); *самые* выражения (с.262) и др.).

Инверсия частей составного именного сказуемого:

- 1 раз у К.Д. Бальмонта (*тщетны были мои усилия* (с.152));
- 7 раз у Норы Галь (*она бессильна была* (с.257); *все окутано и проникнуто было...* унынием (с.260); *все озарено было потусторонним отблеском* (с.264); *тело еще раньше положено было в гроб* (с.268) и др.).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что более поздний перевод оказался значительно архаичнее по языку, чем выполненный на век раньше.

Хотя такой результат несколько удивляет, в то же время он отражает переводческие принципы обоих переводчиков.

Так, Нора Галь в книге «Слово живое и мертвое» с восхищением отзывается о переводе «Гайны Эдвина Друда» Ч. Диккенса, выполненном О.П. Холмской, и отмечает, что поистине хороший перевод «чуть отдает стариной – без излишней стилизации» [Галь Н.Я., 1987: 231].

Анализируя перевод романа конца XIX века, она также обращает внимание на необходимость подбирать лексику, характерную для прошлой эпохи. Вместо «Тщательно *взвесив* все *обстоятельства*, я решила освободить тебя от твоих *обязательств*» она предлагает вариант «Я все (тщательно, хорошо) *обдумала* и решила освободить тебя от твоего *слова* (или, как говорили в старину, *вернуть тебе твое слово*)» [Галь Н.Я., 1987: 88].

Позиция К.Д. Бальмонта не настолько однозначна. С одной стороны, А.В. Федоров, цитируя К.И. Чуковского, отмечает, что «поэт-символист Бальмонт, переводя Уолта Уитмена вводил в его стихи всякого рода поэтизмы и, в том числе, архаизмы. К. И. Чуковский замечает по этому поводу: „Уитмен говорит, например *грудь*, Бальмонт переводит *лоно*. Уитмен говорит *флаг*. Бальмонт переводит *стяг*. Уитмен говорит *поднимаю*. Бальмонт переводит *подъемлю*”» [Фёдоров А.В., 1983: 289].

С другой стороны, принципы перевода Бальмонтом поэзии и прозы серьезно различаются. Об этом пишут в статье «Буквализм и языковое разнообразие» переводчики Д.М. Бузаджи и В.К. Ланчиков: в первом случае очевидна вольность, а во втором – буквализм. Перевод Бальмонтом прозы они характеризуют так: «Бальмонт добросовестно копирует синтаксис подлинника, предпочитает контекстуально точному эквиваленту лексической единицы ее словарное соответствие, пренебрегает нормами сочетаемости языка, на который переводит – лишь бы получилось „как у По” (а на самом деле – как в английском языке)» [Бузаджи Д.М., 2011: с.15].

Сопоставляя несколько переводов В.В. Рогова и К.Д. Бальмонта, переводчики сделали вывод, что такой подход приводит к обеднению языка перевода. Так, например, при переводе слова *now* Бальмонт использует варианты *тогда*, *и вот*, *на этот раз*, *время от времени*, *уже*, *потом*, а Рогов прибегает также к более архаичным формам *порою* и *на сей раз*. Бальмонт же, переводя ближе к тексту, не использует устаревшие формы, чтобы показать дистанцию времени.

Сходным образом в начале XX века К.Д. Бальмонт перевел и письма Э.А. По, датируемые периодом с 1835 по 1849 гг. Если сравнить его переводы с переводами других писем По, выполненных С. Силищевым в конце XX века, то можно смело утверждать, что даже если язык более позднего перевода не более архаичный, то по крайней мере не уступает более раннему в создании атмосферы старины.

Так как переводчики выбрали разные письма американского автора, мы не сможем привести переводы одних и тех же отрывков в таблице и сопоставить их, однако мы попробуем проанализировать их по отдельности.

Намеренно или случайно, К.Д. Бальмонт все же придает языку перевода некий налет старины.

В его переводе можно встретить и постпозицию местоимения, и удлиненное окончание прилагательного с окончанием *-ою* вместо *-ой*, и позицию притяжательного местоимения между существительным и относящемся к нему прилагательным, и определительное местоимение *самый* в значении *сам*.

For years your name never passed my lips, while my soul drank in, with a delicious thirst...	В течение целых лет ваше имя ни разу не перешло моих губ, в то время как душа моя пила в нем, с самозабвенною жаждой...
... the lines I had written, in my passionate boyhood...	...строки, которые я написал во время страстного моего отрочества ...
...their very beauty was cruelty to me.	Самая красота их была жестокостью ко мне...

При этом подтверждается, что Бальмонт слепо следует за оригиналом. Бросается в глаза непонятная фраза *ни разу не перешло моих губ*, которая слово в слово передает *never passed my lips*. На самом деле это распространённая фраза, которую можно было бы перевести как *никогда не слетало с моих уст*.

С. Силищеву удалось найти баланс между архаизацией и модернизацией. Он умело избегает слишком современных элементов,

следующим образом передавая некоторые слова: *salary* – жалованье, *situation* – положение, *indeed* – поистине, *depression* – упадок духа.

Во всех случаях, когда в оригинале использован союз *for*, он передает его с помощью союза *ибо*. Приведем примеры:

Console me – for you can.	Утешьте меня, ибо Вы можете.
...for I feel that my words are incoherent...	Ибо я чувствую, что слова мои бессвязны...
Your words will have more weight with me than the words of others – for you were my friend when no one else was.	Ваши слова будут иметь для меня больший вес, чем чьи-либо еще, ибо Вы были мне другом, когда никто другой не был.

Напомним, что историческая достоверность в деле архаизации второстепенна. Если сравнить время употребления этих книжных союзов, то оказывается, что расцвет *for* приходится на период с 1830 до 1900 гг., а слово *ибо* использовалось преимущественно в XVIII в. и затем вплоть до 1830-х. И все же это не означает, что переводческое решение было ошибочным, наоборот, такой способ погрузить читателя в историю можно считать вполне приемлемым, ведь для создания колорита эпохи при диахроническом переводе не требуется воспроизводить язык выбранного периода, достаточно применить условную стилизацию.

Подобный случай можно наблюдать не только на лексическом уровне, но и на синтаксическом. При переводе Силищев активно использует постпозицию местоимения по отношению к существительному:

My feelings at this moment are pitiable indeed.	Чувства мои сейчас поистине достойны жалости.
My heart is open before you – if it be worth reading, read it.	Сердце мое открыто перед вами – читайте в нем, если оно заслуживает быть прочтенным.
Her health remains excessively precarious.	Здоровье её , как и прежде, внушает большие опасения.

Пиком употребления местоимения в постпозиции, согласно НКРЯ, считается XVIII в., а с начала XIX века использование такого порядка слов идёт на спад. Однако продолжаем наблюдать это явление при изучении особенностей писем известных русских людей XIX в. Так и в письмах князя П.А. Вяземского жене от 1812 года неоднократно можно встретить местоимение в постпозиции (*Молчание мое* тебя не должно беспокоить, ибо если я занемогу, то армия так близка, что тот час перешлют меня в Москву, как и многих уже переслали; *в поцелуе моем* передаю тебе душу мою; Бог и честь будут *спутниками моими*).

Среди приемов С. Силищева можно выделить использование местоимений удлиненной формы, с окончанием *-ою* вместо *-ой*:

...you are my <i>greatest</i> and <i>only</i> stimulus now, to battle with this uncongenial, unsatisfactory and ungrateful life – I shall be with you tomorrow...	Ты мое <i>величайшее</i> и <i>единственное</i> побуждение теперь биться с этою неродственной, неудовлетворяющей и неблагодарной жизнью. Я буду с тобою завтра...
---	--

Также в переводе Силищева встречается сочетание *сделаться* + *одушевленное существительное* в *Тв. п.*, которое было наиболее распространено в XIX веке, а после 1920 году на смену ему стал приходиться глагол *стать*.

...I have been playing hermit...	...я сделался настоящим отшельником...
----------------------------------	---

На первый взгляд количество средств стилизации в переводе К.Д. Бальмонта больше и многообразнее, однако стоит признать, что объем его переводов, из которых взяты примеры, в несколько раз превышает объемы переводов Силищева, следовательно, концентрация средств для создания эффекта старины в переводе последнего никак не меньше.

Мы рассмотрели переводы двух произведений XIX в., выполненных в разные эпохи, и не выявили влияние временного фактора на глубину и степень архаизации.

Выводы:

1. В результате анализа переводов с целью выявить, в каких переводах степень архаизации выше (более ранних или более поздних), зависимости между временем перевода и степенью архаизации выявлено не было. В некоторых случаях более поздние переводы могут оказаться архаичнее, например, если переводчик конца XIX века не проводит намеренную архаизацию для придания оригиналу налета старины, а его коллега в XX веке привержен передаче колорита ушедшей эпохи. Однако и в более ранних переводах мы можем наблюдать более высокую степень архаизации по сравнению с более поздними.

2. Степень архаизации не зависит от временного фактора. На нее скорее влияют другие факторы, начиная со стратегии переводчика или переводческой школы, к которой он принадлежит, и заканчивая задачами перевода и потенциальной целевой аудиторией, для которой этот перевод выполняется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования мы рассмотрели подходы отечественных и зарубежных переводоведов к передаче стилизации, изучили особенности русского и английского языков XIX в., выявили используемые при архаизации языковые средства и сопоставили переводы художественных произведений XIX в, сделанные в разные эпохи.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Под временной языковой стилизацией следует понимать сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым.

2. К исторической стилизации существует три подхода: радикальная архаизация, резкая модернизация и умеренная модернизация. В настоящее время предпочтительным считается третий подход, так как он позволяет передать исторический колорит оригинала на понятном читателю языке.

3. Для создания эффекта правдоподобия стилизация должна осуществляться на всех уровнях языка. Наиболее часто используемыми типами архаизмов для создания налета старины являются собственно лексические архаизмы, лексико-словообразовательные архаизмы и грамматические архаизмы. С осторожностью следует относиться к фонетическим архаизмам, которые могут привнести ненужный национальный колорит, и к семантическим архаизмам, которые чаще всего непонятны современному читателю. Для гармоничности перевода не следует забывать о синтаксическом уровне языка. Самыми распространенными синтаксическими средствами, применяемыми переводчиками, являются постпозиция местоимения и инверсия подлежащего и сказуемого, однако также рекомендуется использовать и другие средства, описанные в нашей работе.

4. Для того чтобы избежать искусственности при применении условной модернизации, архаизация не должна быть чрезмерной. В противном случае

перевод будет непонятен современному читателю, для которого он выполнялся. При оптимальном уровне архаизации текст перевода должен получиться гармоничным и удобочитаемым.

5. Более поздние переводы могут оказаться более архаичными, чем переводы, сделанные вскоре после написания оригинала, однако наблюдается и обратная ситуация, следовательно, изначальная гипотеза исследования не подтвердилась: время перевода и степень архаизации не имеют прямой зависимости.

6. На степень архаизации воздействует целый набор факторов, в частности: личная стратегия переводчика, его принадлежность к определённой переводческой школе, задачи данного перевода, состояние переводоведения на момент создания перевода, потенциальная аудитория. Именно на них мы бы советовали ориентироваться при переводе произведений других эпох.

7. Нам представляется, что результаты исследования будут полезны переводчикам и изучающим перевод. Они могут быть использованы как в переводческой практике, так и при обучении студентов, как в ходе практических занятий, так и в рамках курса теории перевода

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Барщевский П.Г. *Краткая русская грамматика*. / П.Г. Барщевский. – 3-е изд. – Киев: тип. Кульженко, 1876. – 104 с.
3. Бузаджи Д.М., Ланчиков В.К. Буквализм и языковое разнообразие. // *Мосты* № 4 (32) – 2011. – сс. 12-27.
4. Буслаев Ф.И. *Историческая грамматика русского языка: Синтаксис*. – 7-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 344 с.
5. Введенский И.И. О переводах романа Теккерея «Vanity Fair» в «Отечественных записках» и «Современнике». – 1851. [<https://www.litres.ru/irinarh-vvedenskiy/o-perevodah-romana-tekkereya-vanity-fair-v-otechestvennyh-zapiskah-i-sovremennike/>]
6. Виноградов В.В. *О языке художественной литературы*. – М.: Гослитиздат, 1959, 654 с.
7. Виноградов В.С. *Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие*. – 2-е изд., перераб. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
8. Винокур Г.О. *О языке художественной литературы*. – М.: Высшая школа, 1991. – сс. 407-430.
9. Востоков А.Х. *Сокращенная русская грамматика*. – 16-е изд. – С.-Петербург: Деп. нар. прос., 1877. – 71 с.
10. Галь Н.Я. *Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора*. – 4-е изд., доп. – М.: Книга, 1987. – 272 с.
11. Гитович А.И. // *Мастерство перевода*. М.: Советский писатель, 1970. – сс. 364-385.
12. Греч Н.И. *Краткая русская грамматика*. – 11-е изд. – С.-Петербург, 1850. – 149 с.
13. Егунов А.Н., Зайцев А.И. «Илиада» в России – Спб.: Наука, 1990. – сс. 417-427.

14. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
15. Заболоцкий Н.А. // Вопросы литературы, № 1, 1969. – сс. 164-176.
16. Кашкин И.А. Вопросы перевода. В кн.: Для читателя-современника. – М.: Сов. писатель, 1977. – сс. 427 – 463.
17. Кундзич О.Л. // Мастерство перевода. М: Советский писатель, 1968. – сс. 199 – 237.
18. Ланчиков В.К. Два портрета одного человека. Стандартизация и индивидуализация как осознанные стратегии. // Мосты № 3 (35) – 2012. – сс. 7-17.
19. Ланчиков В.К. Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе // Вестник МГЛУ. – 2002. – Вып. 463: Перевод и дискурс. – сс. 115 – 122.
20. Ланчиков В.К. Идиолект напрокат. Гоголевские реминисценции в переводах И.И. Введенского. // Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник. – Вып. 26 / Под ред. И.И. Халеевой. – М.: Рема, 2007. – сс.173-182.
21. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. – Ленинград: Наука, 1985. – 299 с.
22. Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974. – 397 с.
23. Любимов Н.М. Перевод – искусство. –2-е изд., доп. – М.: Советская Россия, 1982. – 128 с.
24. Мешалкина Е.Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII-XX вв.). – М.: 2008. – 206 с.
25. Пастернак Б.Л. Замечания к переводам из Шекспира. В кн.: Перевод – средство взаимного сближения народов, 1987. – сс. 428-444.
26. Попович А. Проблемы художественного перевода: Учеб. пособие. Пер. со слов. – М.: Высшая школа, 1980. – 199 с.

- 27.Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «ЧеРо», 1997. – 480 с.
- 28.Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е.* – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
- 29.Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода. – Нижний Новгород: 2015. – Сс. 344 – 354.
- 30.Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы) – 4-е изд., перераб и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
- 31.Хохел Б. Время и пространство в переводе. Поэтика перевода. – М.: Радуга, 1988. сс.152 – 171.
- 32.Чуковский К.И. Высокое искусство. – М.: Время, 2014. – 448 с.
33. Bassnett Susan, *Translation Studies. Third edition.* London and New York: Routledge, 2002. – 176 p.
- 34.Chesterman Andrew, *Memes of Translation: the Spread of Ideas in Translation Theory*, 1997. – 219 p.
- 35.*Live and Learn: A Guide for All who Wish to Speak and Write Correctly.* – New York: Garrett and Company, 1856. – 213 p.
- 36.Lynda Mugglestone. *English in the Nineteenth Century // The Oxford History of English.* – Oxford University Press, 2006. – p. 274 – 301.
- 37.Newman F. W. *Homeric Translation in Theory and Practice.* – London: Williams and Norgate, 1861.
- 38.Sweet Henry. *A Short Historical English Grammar / by Henry Sweet.* – Oxford: Clarendon press, 1892. – XII, 264 p.

Электронные ресурсы:

1. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>
2. Толковый словарь Ефремовой [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/>

3. Толковый словарь Ушакова [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>
4. British National Corpus [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

1. Гомер, Илиада / Пер. с древнегреч. Н.И. Гнедича. – 2-е изд., стереотипное. – СПб: «Наука», 2008.
2. Гомер, Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
3. Гриммельсгаузен Ганс Якоб Христоффель фон, Симплициссимус. / Пер. с нем. А.А. Морозова, Э.Г. Морозовой. – М.: Изд-во Художественная литература, 1976.
4. По Э. А., Падение дома Ашероу: Роман, рассказы / Пер. с англ. З. Александровой, М. Беккер, Норы Галь и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.
5. По Э. А., Маска красной смерти: Падение дома Эшер / Пер. с англ. К.Д. Бальмонта, М.А. Энгельгардта. – СПб.: Вита Нова, 2014.
6. По Э. А., Полное собрание рассказов. – СПб.: ООО "Издательство "Кристалл"", 1999.
7. Теккерей У., Базар житейской суеты / Пер. с англ. И.И. Введенского. – С.-Петербург: Типография д-ра М.А. Хана, 1885.
8. Теккерей У., Ярмарка житейской суеты / Пер. с англ. Л. Гей. – С.-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1902.
9. Теккерей У., Ярмарка тщеславия. / Пер. с англ. М.А. Дьяконова. – М.: Издательство АСТ, 2016.
10. Теккерей У., Ярмарка тщеславия. Роман без героя. / Пер. с англ. – С.-Петербург: «Современник», 1850.
11. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции /Пер. с ит. М. Лозинского. – М.: Худож. Лит., 1987.
12. Thackeray W., Vanity Fair. – СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2017.
13. Edgar A.P., Selected tales: [Книга для чтения на английском языке]. – СПб: «Химера», 2001.